

# КАТЭР ВЭЙ

ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ ОТ  
ВТОРОГО СОТВОРЕНИЯ МИРА



ПО ДОРОГАМ  
ИМПЕРИИ

ИДДК

Две тысячи лет от второго сотворения мира

Катэр Вэй

**По дорогам Империи**

«ИДДК»

2019

## **Вэй К.**

По дорогам Империи / К. Вэй — «ИДДК», 2019 — (Две тысячи лет от второго сотворения мира)

Он, Котов Артемий, одиннадцатилетний сирота, уже однажды умудрился попасть в параллельный мир, где выжил лишь чудом, и даже был усыновлён и принят на обучение к опытным бойцам-выживальщикам. Но судьбе оказалась этого мало, и она вновь перекинула мальчишку в новую параллель, в совершенно другой мир с давно рухнувшей цивилизацией, заселённой постядерными мутантами и людьми, у которых процветает средневековье, замешанное на осколках прошлого. Адаптироваться, выжить и найти способ вернуться домой – единственное, о чём он мечтал, но Боги любят сильных духом, а ещё они азартны, и шутки их жестоки.

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46



– Дышит, – дрогнул бас. – Точно, дышит, – повторил он уже более уверенно. – Кхе-х! Мое семя не сломить! Ну, что ты встала, как вкопанная, воды подай быстрее!

Торопливые шаги удалились, послышались возня и грохот посуды, что-то упало, разбилось, плеснуло водой, и, поспешно шлепая явно босыми ногами, шаги вернулись обратно. Широкая ладонь бережно приподняла голову, и сухих губ мальчишки коснулся край посуды, по горлу потекла прохладная, живительная влага.

О, как же хорошо... Вода... какая же она вкусная...

Попытался открыть глаза.

«Нет, пока не могу, сил не хватает, очень тяжело... устал... как же хочется спать...»

Засыпая, на остатках сознания Взрывник услышал грохот и всплеск, но он уже не видел, как в комнату вошла девочка лет двенадцати и, выронив деревянный таз с водой и лоскутом ткани для обмывания тела, заскулила на одной ноте, зажимая рот обеими ладошками. В спину ей ткнулась вторая, такая же на вид, девочка, шедшая следом с опущенной головой и сложенным саваном в руках. Вытаращив из-за плеча сестры большие синие глазки, она, не веря тому, что видит, наблюдала, как отец поит умершего брата, а мать, комкая руками передник, стоит рядом, покачиваясь и обливаясь слезами, с глуповатой улыбкой на лице.

\* \* \*

Инала сидела на полу у лежанки спящего сына, поджав под себя истоптанные за ее нелегкую деревенскую жизнь босые ноги, по привычке прикрыв их краем серой самотканой юбки. Голова была настолько тяжела, что все время клонилась вбок, и так хотелось уложить ее хоть как, хоть куда-нибудь, лишь бы на чуток сомкнуть свинцовые веки, уже третьи сутки не знавшие отдыха. Сон так и окутывал крыльями, тянул в мягкий омут, но женщина держала теплую руку своего воскресшего чада и боялась уснуть. Она опасалась, что, задремав, вдруг проснется и обнаружит своего мальчика холодным, безжизненным телом. Нет, она не допустит этого вновь, и если воскрешение – лишь чудесный сон, то она будет охранять его, пока хватит сил. Уже двое суток, как он спит, изредка просыпаясь, в бреду произнося странные слова и незнакомые имена, и снова засыпая. В эти краткие моменты она успевала влить в него немного теплого бульона, сменить подстилки и напоить ключевой водой из Священного источника. Все хозяйство она переложила на хрупкие плечи своих юных дочерей, которым и двенадцати-то еще нет, но они умницы, справляются и даже уговаривали мать лечь отдохнуть, обещая глаз с Калина не спускать. Но где там, разве она могла такое себе позволить.

Когда сердце ее мальчика перестало биться, Инала не хотела этому верить, принять и отпустить эту утрату, как завещали предки. Она медленно умирала вместе с ним, день за днем, час за часом, видя, как болезнь пожирает его, и корила себя и мужа за бессилие, молилась Богам, обещала им все, что они пожелают, лишь бы вернули ей сына, и Боги ее услышали. Они вернули Калина к жизни, но что захотят взамен? Эта мысль мелькнула лишь однажды и ушла, на данный момент она волновала женщину не очень сильно, так, лишь неприятным червячком копошилась на задворках души. Но как бы ни храбрилась женщина, сон все равно победил ее, и уже через несколько мгновений она сама не заметила, как мирно спала, прислонившись щекой к ладошке сына.

Открыв глаза, мальчик уже достаточно четко увидел дощатый потолок, балку. А на ней, зацепившись хвостом, вниз головой висел маленький дымчатый зверек и, не моргая, глядел большими овальными глазками на пробудившегося.

Взрывник улыбнулся.

– Привет, мохнатый, – прошептал он сухими губами.

Зверек дернул ухом и склонил голову чуть вбок, все так же тарашась на мальчика, и вдруг, расправив кожистые, перепончатые крылья, широко зевнул, показывая довольно боль-

шие острые зубки. Он чем-то напоминал летучую мышь и кота, словно скрестили двух животных и добавили еще что-то незнакомое, ранее невиданное.

– Сынок, сыночек, – тут же проснулась Инала и принялась ощупывать лоб и щеки больного. – Как ты, милый? Водички принести? – засуетилась, захлопотала, даже не поняв, что мгновение назад она крепко спала.

Напившись, Взрывник попытался немного приподняться. Мать правильно поняла потуги сына и, приподняв подушку, уложила его повыше.

Взору мальчишки открылись новые детали. Да, он совсем не помнил и этот дом, и это семейство. Это теперь было не так важно. Главное: он может дышать, он жив! Смутные обрывки мыслей, связанные с переносом чего-то в хитрой лаборатории, в которой столько всего было накручено... Да, он помнил и Дока, и маму Асю, и сестренку... Как они? Что их ожидает?

«Вот это меня занесло... – подумал мальчик, разглядывая примитивную, самодельную обстановку без намека на лакокрасочные покрытия. – Кажется, я попал в прошлое», – расстроился он и, решив разобраться с этим чуть позже, так как голова и без того раскалывалась от боли, принялся ощупывать себя: все ли части тела на месте.

– Болит что-то, сыночек? – тут же обеспокоилась мать мальчика. – Ну, не молчи, говори: где болит, что?

Будучи сообразительным ребенком, Взрывник прекрасно понимал, что женщина принимает его за своего сына, но разубедить ее в этом так и не решился, да и то, что он оказался именно сыном, а не дочкой, порядком обрадовало. Мало ли, какие накладки могли произойти во время переноса, вроде как в параллельный мир отправляли, а очутился вон где. Во, дела...

Теперь нужно узнать собственное имя и куда это его занесло. Память бывшего хозяина тела упорно молчала, не желая отвечать на такие простые вопросы.

– Кто я? – хрипло произнес мальчик. – Как меня зовут?

Женщина схватилась руками за лицо и тихонько ойкнула, но быстро собралась, присела на край лежанки, взяв ребенка за тонкую кисть, тихо произнесла с улыбкой:

– Калин. Тебя зовут Калин, сынок, а я – твоя мама, – слезы, навернувшись на глаза, дорожкой побежали вниз по лицу, оставляя мокрые следы на щеках. Крупная теплая капля упала на руку Взрывника.

Мальчику стало безумно жаль эту женщину, захотелось ее успокоить, но он не знал, как.

– Я помню тебя, мама, не плачь. Себя забыл, немножко, ну, может, еще чего-то забыл, не знаю, но тебя я помню, не плачь.

Инала улыбалась сквозь слезы. Она плакала и улыбалась, и казалось, что волны счастья, исходившие от нее, освещали комнату ярче ста свечек.

Неожиданно и резко распахнулась дверь, и в помещение широким, быстрым шагом ворвался косматый рыжий мужик, похожий на медведя-шатуна.

– Что? Что с ним? – проревел обеспокоенный отец и, увидев почти сидящего сына, расплывшись в улыбке, застыл на месте.

– Фух! – громко выдохнул он. – Слава Богам! Я, дурак, плохое подумал. А ты чего реवेशь, людей пугаешь? – обратился он к супруге. – Во, дура! – и рассмеялся, да так громко, что даже с потолка что-то посыпалось.

Взрывник глянул вверх.

Не, это не от смеха счастливого главы семейства – просто перепуганный зверек, улепетывая стремительно, мимоходом скинул мусор с потолочной балки.

«Кого же он мне напоминает? – подумал мальчик, разглядывая мужчину... – Базиль! Точно, Базиль!»

Сердце свалилось в желудок глыбой льда, распустив холодные щупальца по всему телу. Даже волоски на руках встали дыбом. Этот человек выглядит точь-в-точь как тот бандит, кото-

рый выставил его на арену биться с кровожадными мутантами. Хорошо, что хоть нож дал, и на том спасибо. Тогда мальчику пришлось впервые убить человека-мутанта, чтобы выжить. От всплывшей картинки вмиг стало плохо. Лицо побелело, и тело все пробил озноб.

– Ты чего это? – ринулся к больному отец. – Снова плохо? Инала, окно открой.

Взрывник, вжавшись в подушку всем тощим тельцем, тарачился на того, кто называл его сыном, и не верил ни своим глазам, ни своим ушам.

– Безумие... – прошептал он еле слышно. – Как? Не может такого быть...

– Чего? – не расслышав, спросил взволнованный мужчина, поправляя подушки.

Тихо подойдя сзади, Инала приобняла мужа.

– Юр, наш мальчик, кажется, потерял память, – она постаралась сказать это как можно тише, на ухо супругу, но Взрывник все равно услышал.

– Калин, ты помнишь своего отца? – спросила Инала, ласково глядя на испуганного ребенка.

Тот отрицательно мотнул головой.

Широкая тяжелая ладонь коснулась взъерошенных волос мальчишки.

– Ни-че, главное – жив, а память вернется. Инала, шла бы ты спать, на тебе лица нету.

Я подежурю.

– Но... – она собралась было возразить мужу.

– Иди, говорю.

Напоив сына теплым молоком, уставшая женщина ушла отдыхать, а Юр взял деревянную заготовку, уселся на лавку напротив кушетки с засыпающим мальчиком и принялся стругать ее здоровенным, кривым ножом, точно таким же, какой был у Базиля.

## Глава 2

Разбудил его спор громким шепотом. Скосив в сторону глаза, Взрывник увидел двух одинаковых на лицо девчонок.

– А я говорю: не вспомнит он тебя.

– Дура ты, Доня. Если он меня не вспомнит, то как же тебя узнает, а?

– А спорим?

– Не буду. Отстань. Мать сказала, что это Боги у него память отняли в обмен на жизнь.

Надо ему все сызнова рассказывать и знакомить со всеми, как пришлого.

– Умная ты у нас сильно, Анятка. Картофлю вон лучше чисть, а не болтай.

– Проснется, да поглядим.

Взрывник усмехнулся.

«Ну, Боги так Боги, все проще будет тут торчать, – думал он, озабоченно разглядывая тощую, цыплячью кисть, кожа на которой просвечивалась, обтягивая каждую косточку. – Мда, Калин... че ж ты хлипкий-то такой мне достался?»

В прошлой жизни Взрывника гоняли по полигону, не жалея, и мальчишка выглядел вполне прокачанно для своего возраста.

«Ну, ничего, были бы кости, а мышцу нагоним и мясо нарастим. Сил вот только чуть наберусь и займусь я тобой, Калин», – чуть улыбнулся, радуясь новому телу, новой жизни... почти забытым ощущениям.

Стараясь изо всех сил, Взрывник полностью сел, сам, без подушек, свесив ноги с лежанки. В голове зашумело, белые круги поплыли в глазах, и сильно захотелось пить...

– Ой! – взвизгнула одна из сестренок. – Да что ж ты!

Всплеск воды, грохот табурета, и тут же тело его подхватили в четыре руки, ойкая и приговаривая, что он бестолочь, и вставать нельзя, и мамка заругает. Его снова уложили в постель.

– Пить, – прохрипел он слипшимся горлом.

\* \* \*

Калин сидел на деревянном крыльчке, греясь под лучами вечернего солнца. Две недели прошло с тех пор, как он очнулся, а тумана все нет. Воняющего химией, того самого, который предшествует переносу в его прошлый мир. Неужели там стряслась беда? Не мог отец обмануть, он обещал вернуть его, перебросив обратно. Видимо, что-то с аппаратурой случилось; нужно просто подождать, папа найдет способ забрать его назад, домой...

– Эй, Калин! Ты жив, придурок?! – насмешливый звонкий голос раздался из-за частогокола, и над заостренными деревянными пиками показалась вихрастая голова белобрысого мальчишки.

Взрывник всматривался в веснушчатое лицо голубоглазого паренька, но память Калина молчала. Кто он? Вот, черт!

Тот, долго не раздумывая и не дожидаясь приглашения, перемахнул через двухметровую изгородь и, отряхнув широкие штаны, подвязанные куском веревки, уверенно направился к крыльцу.

– У-у-у-у, ну ты и страшный стал, как в тех сказках про черные времена, – приветственно хлопнув Взрывника по плечу, мальчишка плюхнул свой зад рядом, на ту же ступеньку, и, опершись сомкнутыми в замок руками на свои колени, уставился взглядом себе под ноги. Вздохнул. – Я... я думал, все...

Уголки губ медленно расползлись в улыбке, и тут же повеселев, белобрысый добавил:

– Но ты живуч, как глот.

– Г-л-о-т? – медленно проговаривая каждую букву, переспросил Взрывник.

– Ну, да, эти бесовские выкормыши пустошей. Ты чего, Калин?

Взрывник виновато пожал плечами и приложил руку к своей голове:

– Не помню. Я теперь много чего не помню.

– Как это? Ага, еще скажи, что и меня не помнишь, – не поверив, усмехнулся паренек.

Взрывник еще раз внимательно всмотрелся в черты лица и, не дождавшись никаких былых воспоминаний, отрицательно покачал головой.

– Во-о-о, трепло! Ага, брещи да не забрехивай!

– Ничего он не брешет, – раздался из недр дома голос одной из сестер. – Он себя-то не помнит, не то, что тебя, – Анята вышла на порог и строго посмотрела на мальчишек.

– Как это?

– А вот так. Боги отняли память в обмен на жизнь, – объяснила девочка с серьезным видом.

– Ого... Так ты чего, с Богами виделся, что ли? И как они? Вправду такие, как нарисованы в Храме?

– Не знаю, я не помню.

– Митек, топал бы ты со двора, пока мамка не пришла, а? Ему покой нужен, а ты с вопросами своими лезешь, болезный он еще, слабый, не донимай.

– А то ты лекарка будто. Ишь, важная какая. Ладно, и вправду пойду. Меня, ва-аще-то, батя за смолой к Буру заслал, а я тута расслаиваюсь. Ну, ты это, выздоравливай давай, – и тихонько шепнул: – Я тебе Богов покажу потом, на Священном камне Предков, глядишь, и вспомнишь чего, – и хитро так подмигнул.

– Иди, иди, подговорщик, – деловито проворчала сестрица, напустив на себя взрослости. – Вот вечно он тебя во всякую всячину втягивает. Не любит его мать, говорит, что он бедовый и дурной, а ты вечно с ним таскаешься, как малек с Мурайкой нашей, и всегда по шеям потом получаешь.

Взрывник непонимающе посмотрел на девочку, та наигранно тяжело вздохнула со словами:

– Ну, что ж с тобой, болезным-то, поделать.

Анята уселась рядом на ступеньку.

– Мурайка, – начала она просвещать братца, – это домашняя животина, плаксуня, она же нава, потому как голову затуманить может, и глаза у нее печальные, но ты не обольщайся, морду ее не тронь, иначе руку отъест, и моргнуть не успеешь. Не любят они, когда им морду трогаешь. А вон, гляди, тетка Арна свою плаксуню гонит, значит, скоро и мамка придет с нашей дурой.

Взрывник вытянул шею, но роста, все равно, не хватило, и тогда он, держась за перила, поднялся на слабые, еще непослушные ноги.

Переселиться в новое тело – полбеды, попробуй еще научись им управлять: все происходит, как у младенца, с самого начала. Ходить мальчика учили всей семьей.

По узкой улочке шествовала... корова. Почти корова. Уши длинные, как у спаниеля, широкие, рога здоровенные, острые, угрожающе направлены вперед, морда гораздо шире коро-вьи и плоская у носа, как крокодила с торчащими вперед нижними клыками, видать, в пасти не поместились, а глаза большие, овальные, на полморды и такие несчастные, что так и захотелось пожалеть, погладить бедное животное именно по морде, даже несмотря на зубки, потому как эта единственная часть тела была покрыта шерстью, а не шипами и костяными наростами. Хвост у «коровы» извивался, как змея, и на конце виднелся шип с зазубриной. Удар таким оружием гарантированно нанизывал жертву без шансов вырваться. Зад, как у бегемота, брюхо

знатное, а вот копыта вроде как и не изменились, но с такого расстояния видно плохо. Как доить этот бронированный «молокоход», мальчик даже и представить побоялся.

Вскоре на улице появилась еще одна и еще. Животные шли спокойно, мерно покачивая широкими боками, а рядом их сопровождали женщины с корзинами, висящими на ремнях, как рюкзак, только на груди. Время от времени погонщицы брали из корзин и кидали им какие-то овощи. «Коровы» ловили подачки, как собаки, на лету, не сбавляя шага, пережевывали с отрешенным, несчастным видом.

– Чего это они им кидают такое?

– Морковку.

– А зачем?

– А как иначе их в стойла загонишь? Да и молоко чтоб не горчило, тоже полезно. Морковка-то, она дикой не бывает, только в огородах, а огороды – за забором. Плаксуньи, знаешь, как любят ее. Они-то и приручились, наверное, только из-за морковки этой, да картофли с семянником. Люди им вкусные овощи и крышу от непогоды, дождь плаксуньи не любят, а особо грозы боятся. В стойле им хорошо, спокойно, да и зимой не так голодают, сено жрут да зерно, а не одно мясо, как дикие. А людям за эту заботу они молоко дают, иные и добычей делятся, это уже как приучишь, да и от характера навки зависит.

– Подожди, как это – мясо жрут? Какой добычей? – опешил Взрывник от таких новостей.

– Своей, естественно, какой еще. Или ты думаешь, что люди за них еще и охотиться будут? – усмехнулась девочка. – Ну, уж нет, это они пусть сами делают.

– Они что, хищники?

– Хищники? – теперь уже удивилась сестренка, смешно вытянув лицо. – Кто это?

– Ну, те, кто мясо едят – плотоядные, хищники. А те, кто траву да овощи, те – травоядные. Коровы – они травоядные, а ты говоришь, что они мясо едят. Значит, эти коровы, ну, то есть, плаксуньи, хищники.

Глаза сестры стали серьезны, она поднялась, убрала прядь волос со лба брата и приложила губами, проверяя температуру.

– Не, жара нет, – хмыкнула озабочено, – может, в постель уже пойдешь? Устал ты. А вообще, Калин, не знаю, где ты таких странных слов набрался, но, чтобы знал: все живое должно питаться всем подряд, чтобы выжить. И травой, и мясом, а иначе как? Иначе – никак. Поешь одной травы хоть один лунный оборот и с голоду ослабеешь. А если ты слаб, значит, ты – доступная, легкая добыча для всех остальных.

– Получается, что все животные, как и люди – всеядны? Это что же выходит, что даже коза может схрюпать на обед кролика и закусить ромашками?

– Калин, ты так странно говоришь, что мне аж не по себе делается, словно ты – это и не ты вовсе. Даже дед наш такого никогда не рассказывал, а он знает поболее многих, и научиться, кроме как от него, у нас-то и не от кого больше. Ты, наверное, просто бредишь, утомился, видать. А ну, пойдём, я тебе отвару сейчас дам, и ляжешь отдыхать, пока не свалился.

– Вот же идиот! – обругал сам себя Взрывник за излишнюю болтливость.

От постельного режима спасло своевременное возвращение матери с их «коровой» Мурайкой. Мать задержалась у калитки, продолжая разговор с соседкой, а животное, все еще жуя, вошло во двор и вдруг остановилось, уставилось своими печальными глазами на мальчика, даже жевать перестало, длинные уши мелко завибрировали, хвост заработал маятником.

– Мам, чего это она?! – воскликнула испуганно девочка. – Мама! – Завопила она уже совсем громко, когда рогатое существо стало подходить к крыльцу, гипнотизируя мальчишку своими глазами.

Взрывник стоял неподвижно и смотрел в бездонные, словно космос, омуты... зараз увидел Дока, Аленку, Аби, Лешего и почему-то Базиля, который с жуткой тоской смотрит на фотокарточку с изображением маленького Артемки из детского дома. Взрывник больше не ощущал

отрицательных эмоций к этому человеку, он смутно начал вспоминать, где еще его видел, и вспомнил, как много лет назад очень похожий дядька практически каждый день наблюдал за ним из-за забора во время прогулок детишек. Он замечал его так часто, что даже привык, и когда дядька перестал появляться, малышу сильно взгрустнулось. В душе он надеялся, что этот человек приходит не просто так, что он выбирает себе сына и, кажется, выбрал его, Артемку. А может, это даже настоящий папа, его, родной... Но эти мысли он старался гнать подальше, от них становилось очень больно в груди и грустно до слез. Сердце наполнилось такой тоской по близким, что слезы так и навернулись на глаза, потекли двумя ручейками. Большой, горячий и очень шершавый язык тихонько коснулся мокрой щеки подростка, и стало спокойно на душе, хорошо, как дома. Когда наваждение спало, он увидел, как обезумевшая от страха мать несется на «буренку», замахнувшись невесть откуда взявшейся увесистой палкой, а сестренка стоит рядом столбиком с широко распахнутыми от ужаса глазами и только хлопает ртом в беззвучном крике. Видимо, голос пропал на нервной почве. С виду неповоротливое и медлительное животное неожиданно резво бросилось к сараю, заскочив внутрь в несколько прыжков, и там замерло, непонятно как захлопнув за собой дверь.

– Сынок! Сыночек! Анята, деточка! – подлетела встревоженная мать. – Целы? Во, дура! Что это она?! Вот и сиди там, гадина! Чтобы глаза мои тебя не видели! Вернется Юр – пустит тебя на мясо! – Крикнула она в сторону сарая, потрясая черенком от лопаты. И где только взять успела?

– Мам, не ругай ее, она хорошая, – Взрывник утирал слезы кулаком и рукавом рубахи. – Она ничего плохого не хотела, мы просто познакомились, – подумав чуть, добавил, – заново.

– Сынок, так она же приманивала тебя, как на охоте. Они же добычу так ловят: навь напускают и жрут потом. Скажу отцу, и впрямь пусть прибьет скотину. Ничего, малька у соседки возьмем, потом и воспитаем. Еще не хватало, чтобы она на детей нападала. Ох, говорила я Юру, зря он взрослою с воли притащил, нет им доверия. Во, дура рогатая!

– Да не нападала она, мама, – возразил Калин, уже входя в дом следом за сестрой, защищая животное. – Она просто меня не узнала после болезни, вот и подошла посмотреть. Она меня пожалела. Не говори отцу, не надо на мясо.

Мать остановилась, недоверчиво посмотрела на сына.

– Сынок, ты уверен в том, что говоришь?

– Да. Я хорошо ее понял. Это ментальное общение, мы с Умником... – и тут же прикусил себе язык. – «Вот же болван!»

– С каким таким Умником? – тут же наострила уши сестренка.

– Да с Митьком, – Взрывник принялся отпираться. – Это я его так называю иногда, умником.

– Снова этот прохвост тут был? – женщина моментально переключилась на новую тему. – Вот же вылупень бесовский! – бурчала, но совсем не зло, а скорее по-доброму. – Ладно, придет отец, разберемся, что с этой дурой делать. Пожалела она его, как же. Какое, ты там сказал, общение?

– А? – закосил он под дурачка. – Не помню уже, мам.

– Ай, ладно, отец вечером воротится, поговорим, – махнула она рукой и принялась хлопотать на кухне.

Анята тоже что-то там колдовала у печи. Взрывник расстроился, присел на лавку, местами отполированную до блеска. Сразу видно, где обычно сидели. Стол так же сколочен из досок и затерт почти до глянца. Глиняная и деревянная посуда, выдавшая виды самодельная мебель, говорившая своим видом, что служит людям далеко не первый десяток лет. Пол глиняный, застланный самоткаными ковриками, которые близняшки вытряхивали каждое утро, наводя порядок в трех небольших комнатках.

По местным меркам семья Калина жила довольно зажиточно, и дом их считался чуть ли не особняком. Хоромы, почти равные барским. Многие жилища ограничивались одной единственной комнатой, служившей и кухней, и спальней, и топилась по-черному. Никаких печей, простой очаг. Дом этот строил еще пра-прадед и искусство печной кладки унес с собой в могилу. Сын его на тот момент был слишком мал для постижения этой науки, а подобных редких специалистов на всю округу так больше и не нашлось. Кому успел он тогда построить печи, у тех они и были, если сохранились. И дома раньше почему-то строили на несколько комнат. Теперь же подобной блажью люди давно уже не страдают. Обо всем этом ему рассказывала Анята, пока поила отварами и помогала улечься в постель, но сон совсем не шел. В голове крутились всплывшие воспоминания из далекого детства и невольное общение с животным. Отец с Доней вернулись поздно, но семейный совет все же состоялся.

Взрывник все еще играл в гляделки с ушастым зверьком, свисавшим с потолочной балки прямо над его кроватью, когда услышал разговор взрослых.

– Давайте, ужинать скорее садитесь, голодные, небось, в дороге-то весь день. Ну, как, сдали? – суетилась мать возле стола.

– Сдали, сдали, да с лихвой вышло, как и говорил. Полей-ка на руки, доча.

Звуки, доносившиеся с кухни, отчетливо рисовали картину, как отец мыл руки и умывался, довольно фыркая. Вот скрипнула лавка под тяжестью хозяина дома, разлилась похлебка по плошкам, и застучали ложки. Пару минут все молчали. Ели.

Инала, не дождавшись окончания ужина, начала волнуящий ее разговор:

– Юр, ты знаешь, у нас, кажется, с Мурайкой проблемы. Говорила я тебе: не надо взрослую, давай малька возьмем, ручного уже. Знаешь, чего она сегодня вытворила? На детей кинулась, представляешь?

Стук ложек прекратился.

– Нет-нет, все в порядке, просто напугала всех. Хотя, нет, Калина она ничуть не испугала, наоборот, он защищает навку. Ты представляешь, он сказал, что у них с Мурайкой какое-то там лейное общение было.

– Ментальное! – крикнула из своей комнаты Анята, поправляя мать.

– Во, блаженная, – зашипела на нее Инала, – чего орешь, Калина разбудишь.

– Я и не спал еще.

– В таком случае, оба сюда, – скомандовал отец. – Ну, чего стряслось у вас тут, рассказывайте, а то мать мне тут сказки рассказывает, что ты к Кардиналам захотел.

Мальчику стоило огромного труда уговорить обеспокоенную мать не убивать «корову». Он бы и не смог, если бы не отец. Инала уперлась, что животное опасно, и все тут. Юр вел себя довольно странно. Как только услышал от жены про якобы общение сына и нави, не произнес больше ни слова, только слушал жену и дочь и наблюдал, как мальчик защищает Мурайку.

– Юр, почему ты молчишь? Скажи же ему, наконец, что нельзя с живностью-то разговаривать, не бывает такого, и в доме такую плаксуню держать опасно. Признаю, погорячилась я, что на мясо зарубить предложила, привыкли к ней за три года, конечно, но и оставлять... а вдруг чего, а? Юр? Давай ее в лесу оставим? Жила же она раньше дикой, пусть и дальше живет сама по себе, как прежде.

Но супруг словно и не слышал слов жены, он мял свой подбородок, задумчиво глядя на сына.

– Пойдем-ка со мной, – сказал он Взрывнику и поднялся с лавки, направился к выходу из дома. Вся семья гуськом двинулась следом.

Дверь в сарае оказалась нараспашку, а Мурайки и след простыл.

– Сбежала, скотина! – Всплеснула руками женщина. – Вот же я, растяпа, прикрыть надо было.

Юр посмотрел на жену и усмехнулся.

– Будет она ждать, как же, – повернувшись к овину, он крикнул: – Ну, выходи, выходи, не бойся!

Из-за угла выглянула зубастая морда, рога и один глаз.

– Тут стойте, – приказал он женской половине семейства, да таким тоном, что ослушаться те и не подумали, ухватил сына за рукав рубахи, повел к овину.

Жена сзади только тихо пискнула:

– Калина-то зачем?

Отец и сын зашли за угол строения, скрывшись от любопытных глаз. Мурайка стояла, понурился голову, и косилась одним глазом на людей.

– Ну-ну, успокойся, Мурачка, – Юр вытянул вперед раскрытую ладонь, и Мурайка ткнулась в нее мокрым пупырчатым коричневым носом. Тут же завибрировала ушами.

Юр стоял сначала расслабленный, как в трансе, даже заулыбался, но вскоре лицо стало удивленным, а потом и гримаса страха исказила его, демонстрируя, что видит этот человек что-то очень нехорошее. Вскоре черты лица смягчились, разгладились, Юр явно успокоился. Открыл глаза и посмотрел на Калина. Серьезно так посмотрел.

– Ты... – прохрипел он севшим голосом.

Горло пересохло, слиплось, Юр попытался сглотнуть, но не вышло. Лунный свет на миг пробился сквозь облака, и Взрывник заметил, как у отца дрожат руки и на лбу выступили крупные капли пота. Внутри все похолодело.

– Ты – не Калин, – все же выдавил из себя Юр и дрожащей рукой взял мальчика за подбородок, пристально всматриваясь в его глаза.

## Глава 3

Ни свет ни заря мальчика разбудила сестра:

– Калин, батя сказал поднять тебя. Одевайся, к Люту поедете.

– Кто это?

– Дед наш. Собирайся скорее, отец не в духе чего-то, смурной ходит, рычит, как бы ни прилетело зазря.

Мальчишка поспешно натянул штаны, лежавшие рядом на табурете, рубаху и был готов. Вышел в общую комнату. Отец молча посмотрел на него и вышел во двор. Мать переминалась с ноги на ногу и нервно теребила край передника. Ей явно хотелось что-то сделать или сказать, но она не решалась, с трудом себя сдерживала.

– Иди, сынок, иди, – прошептала Инала и закусила губу.

Взрывник поспешил вслед за Юром.

– Мам, а че теперь будет? – услышал он голос сестры, уже сбегая вниз по ступенькам. В душе кольнуло холодком.

Юр шагал широко и быстро, так быстро, что мальчишке пришлось бежать трусцой, иначе было не поспеть. Бежал долго, казалось, что целую вечность. Дыхание сбилось, и силы стали стремительно покидать тощее, не привыкшее к таким нагрузкам тельце Калина. В боку закололо, язык прилип к небу, пот катил градом, заливая глаза. Взрывник бежал за мужчиной уже на одном упрямстве, спотыкаясь практически на каждом шаге.

Вдруг Юр остановился и резко развернулся лицом к ребенку. Увидев это, остановился и Взрывник, уже хрипя, как загнанная лошадь. Зрение поплыло, мерцая белесыми всполохами на темнеющем фоне. Не в силах стоять, он согнулся, упершись руками в колени и вдыхая носом, попытался выдохнуть как можно медленнее через рот, восстанавливая сердечный ритм и дыхание – его так учили, когда гоняли на полигоне. Звон в ушах, белые круги в глазах – все потихоньку прошло. Утерев рукавом пот с лица, мальчик, наконец, поднял голову, огляделся: они стояли в лесу.

Куча нехороших мыслей вихрем пронеслась в голове. Взрывник вопросительно посмотрел на хмурого мужчину.

– Что, отдышался? Силен, молодец. Калин давно бы пощады запросил и рухнул бы, даже до края деревни не добежав, а ты вон скока отмахал, и ни звука. Ну, рассказывай, кто ты такой и где мой сын.

Отпираться, притворяясь и дальше тем, кем не являлся, Взрывник не захотел, смысла не видел. Интуиция подсказывала мальчику, что с этим Юром не все так просто, и нужно говорить правду, иначе...

Взрывник долго рассказывал историю своей короткой, но столь бурной и полной опасных моментов жизни. Рассказал он и про двойников, и про параллельные миры, про переносы, про вонючий туман и монстров. Еще про Дока, который его усыновил, и про остальных ребят-бойцов, ставших ему семьей, ну и про свою смерть, естественно, и сам процесс переселения в тело их сына, который скончался буквально за несколько часов до этого.

Юр рассеянно огляделся, осел на ствол поваленного старого дерева. Впился руками в косматую голову.

– Мой мальчик... умер, – произнес он хрипло и после надолго замолчал.

Взрывник тоже молчал. Присел рядом на корявый ствол.

– Я не виноват, что так вышло... – спустя длительное время произнес мальчик, – тело было свободным, ваш сын его покинул. Но в нем осталось немного памяти и чувства к родным... Если от этого легче вам с...

– Не смей! Ни в коем случае не смей говорить ей правду!

– Но...

– Не губи мне семью, не надо, пожалуйста. Пусть они будут счастливы, хотя бы до твоего этого переноса.

– Ну, как бы я тут с вами и после него останусь, вообще-то, – пожал плечами мальчишка. – Дело в том, что они делают копию, а оригинал остается на месте, ну, или наоборот, я толком не знаю этой их системы.

Еще полчаса Взрывник объяснял и без того ошарашенному человеку, что такое копия и клонирование.

– Ну, тогда, может, ты уже там, в этом твоём Стиксе?

– Нет. Когда происходит перенос, всегда вокруг вонючий туман, а его пока не было.

– Так вот почему ты в тот раз рванул на улицу и так внюхивался. А мы-то подумали, что головой ты после болезни трохи повредился... – Юр глянул на ребенка, прищурив глаз, и с грустью усмехнулся.

– Ага, но то обычный был, простой туман. К сожалению. Юр, а что тебе Мурайка показала, как ты понял, что я не Калин?

– Себя увидел, тебя, глотов и жутких огромных монстров. Много чего увидел из того мира. Что успела она в твоей голове подглядеть, то и мне показала.

– Но я не понимаю, как это она делает?

– Кхым... вообще-то, об этом никто не знает и знать не должен. В нашем мире, Ка... – мужчина осекся на полуслове, так и не договорив имя сына, поправился быстро, – Взрывник, тоже есть свои монстры-мутанты, и люди их очень боятся. Таким, как я... и ты... не место среди людей. Мы – мутанты. Пусть не корявые внешностью, но все же не такие, как все. Боги зачем-то даровали нам способности, из-за которых первый же встречный, если не попытается убить, то точно расскажет в Храме, и тогда на нас откроют охоту. Плаксунья же, она залезает человеку, да и не только человеку, в голову и будоражит память, заставляет видеть даже давно забытые моменты из жизни. Если она охотится, то жертва видит что-то очень хорошее, приятное и наслаждается зрелищем, пока ее не сожрут, а если она знакомится, то тогда вытягивает из твоей памяти все подряд. Плаксуньи, они вообще очень любопытные животные и очень умны, почти как человек.

– Так это же телепатия! – воскликнул Взрывник, аж подпрыгнув на месте.

– Тс-с! Не ори. Всех людей даже с малейшим отклонением от нормальности сдают Кардиналам, и это в лучшем случае, если не убьют при поимке. А что те делают с несчастными, никому неизвестно, но от них еще никто не возвращался. Если станет известно про эту телепатию, быть беде. Даже своим близким нельзя говорить.

– Мама не знает? – спросил мальчик, даже не заметив, что вновь назвал матерью ту, к которой он вроде как не имеет никакого отношения.

А вот Юр заметил, но не поправил.

– Я жутко боялся, что мои дети унаследуют эту способность, и как в воду глядел. Плаксуньи чувствуют тех, кто не прост, вот она и подошла к тебе, заметила что-то, но, порывшись в твоей голове, признала за своего. Калина эта способность, переданная мной по наследству, или твоя личная, принесенная каким-то образом с собой, я не знаю, но раньше мой сын такое делать не умел.

– А если бы не признала?

– Ну, тогда бы случилась беда.

– Брр... – зябко передернул мальчик плечами.

Юр внимательно рассматривал ребенка.

– Но почему она меня признала, как? Я же чужой для вас.

– Сам не знаю. Видимо, не совсем и чужой, раз признала. Думаю, она не зря мне двойника показывала и тебя, маленького совсем, на бумаге и в этом твоём доме для сирот. Неспроста

это, неспроста. Мыслей много у меня... Знаешь, все же пойдем к Люту, может, он и сможет разобраться во всем этом.

– Ты же сказал, что нельзя никому говорить.

– Моему отцу можно, он знает про все. Проклятье-то семейное.

– Это не проклятье, Юр. Это – генетика. Видимо, просто мутация передается в роду от отца к сыну, вот и все.

– Ох, молчи лучше. Не доведи Боги, твои слова чудные кто посторонний услышит.

– В лесу?

– Да, хоть бы и в лесу. Ляпнешь подобное на людях, и что потом?

\* \* \*

Взрывник сидел почти час на пороге, в дом его не пускали. Юр разговаривал со своим отцом наедине, о чем, догадаться было несложно.

Сначала Взрывник очень волновался, но к тому времени, как во второй раз отсидел на жесткой ступеньке пятую точку, волнение переросло в сонливость, и появление в дверях вмиг постаревшего Юра моментально выдернуло его из расслабленной дремы. Тряхнув головой, Взрывник скинул остатки сна и увидел, что это вовсе не Юр, а более мощная его версия: лохматый, седой, с хитрыми глазами дед. Высокий, косая сажень в плечах и, в общем, устрашающий вид, но вид этот не пугал, даже наоборот, располагал к себе. За этой мудрой, седой мощью хотелось спрятаться, как за каменной стеной. Последнюю каплю в чашу расположения к деду добавлял округлый живот, отсутствующий у Юра, со скрещенными на нем мозолистыми, огромными ладонями. Этому человеку хотелось верить и не просто верить, а даже доверять свою жизнь. И что-то в его образе, совсем неуловимое, выдавало в нем очень умного и по-житейски мудрого человека.

– Ну, чего застыл, заходи что ли, а то расселся тут, словно не родной. Выспался? – усмехнувшись, поинтересовался дед, пропуская мальчика вперед.

Взрывник растерялся.

– Ну, заходи, заходи, внучек, будем знакомиться, – Лют закрыл двери и задвинул засов. – Ну-ка, глянь-ка на меня...

Взрывник поднял голову и уставился в бездонные глаза, которые утягивали сознание, словно в глубокий омут, подавляя волю...

Очнулся он уже в сидячем положении, опираясь спиной на стену, и, еще не открывая глаз, услышал:

– Верно говорю тебе, Юр, это кровь от крови, он нашего рода. В том мире тебе сын он, значит, выходит, что это и есть наш Калин, только чуточку другой. А ты глянь, хитрец, подслушивает, – усмехнулся Лют и, поднявшись, пошел к кадке с водой. – На-ка, попей, полегчает. Болит голова?

– Болит, – буркнул мальчик в ответ и взял ковш из рук деда. – Что это было? Что вы со мной сделали?

– Ну, ты уж извиняй, но мне надо было немного покопаться у тебя в голове. Не нервничай, с тобой все в порядке, а головная боль скоро пройдет.

Взрывник потер виски.

– Ну и как, нашли чего интересного?

– Нашли, Калин, нашли. Я всегда подозревал, что наш мир не сложен, и Боги любят пошутить, но и представить себе не мог, что они создали несколько миров и людей в них одинаковых, а вот с условиями жизни разными.

Не считая телепатического воздействия в самом начале, знакомство с дедом прошло нормально. За день плотного общения он вполне понравился Взрывнику, и даже какие-то чувства

настоящего внука шевельнулись на задворках подсознания, тем более, как выяснилось, он действительно им не чужой.

– Вот такие вот, внучек, пироги у нас, так что не свезло тебе с семейством, порченный род, с изъяном. Как ты там назвал это – генетическая мутация рода? Эх, жаль, обучить тебя уже не успею, да и расспросить о многом охота, особенно о смерти. Но ничего, Юр многое умеет, сам справится. Ты мне вот чего скажи, как там, на Том свете, чего ты видел?

– Ты так говоришь, дед, словно завтра помирать собрался.

– Ну, надеюсь, не завтра, но вскоре – да. Дела у нас скверные, и отвечать за упущение надо. Так что рассказывай, внучек, все рассказывай.

При этих словах Юр насупил брови и, звучно вздохнув, опустил голову, уткнувшись тяжелым взглядом в пол. Взрывник понял, что дела действительно плохи, что быть беде.

– Дед, может, возможно что-то придумать и избежать смерти? Зачем принимать ее так покорно, не понимаю? За жизнь бороться надо до последнего вдоха.

– Верно ты мыслишь, мальчик, но не в этот раз. Бывают ситуации, где приходится идти добровольно на смерть, осознанно, ради чего-то более важного, нежели твоя собственная жизнь. Видишь ли, ты многого теперь не помнишь, и то, что твой дед – Глава старейшин, тоже, видимо, позабыл, так же, как и законы наши. Много тебе разъяснить придется, чтобы понял и принял ты новые правила этой жизни, этого мира, – Лют медленно прошелся по комнате тяжелой поступью, ссутулившись и заложив руки за спину. Размышлял.

– Скоро у нас будет большой праздник, – продолжил он, собравшись с мыслями. – Завершен сбор урожая, собран общий налог, подросло новое поколение. Все – год закончен. Надобно поблагодарить его, проводить с почестями и принять новый. В первый день Нового года все мальчики и девочки, достигшие тринадцати годов, проходят обряд инициации и вступают во взрослую жизнь. Ты обязательно должен присутствовать, видеть это, потому как правил не помнишь, а их знать надобно. Хотел бы я принять твою инициацию, но, не будем о грустном. Ты нашего роду, а значит, не посрамишь отца. Это важно. Тот, кто сумел пройти обряд, более не считается мальчиком – мужчина он отныне. А провалившему – позор большой. Мой внук не должен род Котовых позорить. Наш род настолько древний, что уходит корнями в Темные времена и аж оттуда несет свое название. Мало ныне сыщется таких.

Юр при этих словах гордо приосанился и, положив ладонь на ножны с ножом, бережно и как-то благоговейно их погладил. Это не укрылось от цепкого взора старика. В глазах блеснула искорка счастья, одобрения.

– Мужчина, Калин, – продолжил он поучать внука, – не живет с родителями, если в семье есть еще дети, и родители способны прокормить себя и внести свою долю в общину. Каждому повзрослевшему новому мужчине наш князь выделяет место для сева и постройки своего дома. А коли сеять не хочешь, так охотой промыслий, рыбалкой или любым другим ремеслом, которому обучен. Налог сдать можно чем угодно, главное – сдать. Дом строить молодежи помогают, но основную работу все же делает новый хозяин. Дом и то, что в доме: стол, лавки, кровать, очаг – мужчина делает своими руками, и только после этого он вправе привести себе жену. Ну, а там и люльку плести можно, – усмехнулся старик по-молодецки, – детки, это, хех... и оглянуться не успеешь, а уже пищат.

– Так что, я могу в тринадцать лет жениться? – опешил мальчуган.

– Хех, скорый какой он у нас, глянь только, – улыбаясь, Лют посмотрел на своего бородатого сына. – Ну, ежели ты сумеешь все сделать до четырнадцатой своей весны, то да – получится, что в тринадцать женился.

– А жена? Как жену выбирать? Сколько лет ей должно быть? Я не хочу на старой жениться.

Мужчины ухнули, враз покотившись от приступа хохота. Молодой гоготал словно конь, а старый смеялся, как простывший ворон, хрипло каркая и ойкая.

Калину стало не по себе, мальчик покраснел и, потупив взор, принялся старательно выковыривать грязь из трещины на углу лавки.

– Ну, ладно, ладно, будя хохотать, – Сквозь смех и слезы сказал дед. – Девочки, они ведь тоже проходят подобный обряд, но морока там у них своя, бабья: показать, чему обучена, может ли быт вести самостоятельно, да созрела ли. Ну, обычно в тринадцать-четырнадцать лет почти все проходят, редко кто дольше сидит. Засватать можно в тот же год, но пока жилья своего не отстроишь и не обставишь, жениться ни-ни. Коли любит – будет ждать, а нет – так за другого пойдет, кто шустрее или старше.

– И что, сразу вот так и замуж?

– Ну, одним прямо не терпится, да и женихи уже поджидают с новым хозяйством, сватают-то многих тут же, по окончании испытаний. Другие же сидят с родителями долго еще. Девки из дому не гонят – когда захотела, тогда замуж и пошла.

Мальчик задумался.

– Дед, я вот чего понять не могу, если мужчина каждый сам себе дом строит, то почему тогда мы в родовом живем, а ты – вообще отдельно где-то?

– Пытливый ум – похвально... Потому, Калин, что пришлось мне пост принять Главы старейшин, а оно, как водится, обязательства свои тянет определенные. Жить Главе надлежит в центре поселения, у площади, где люди на общий Совет собираются. А дом свой я сыну отдал, потому как родовой он, и нечего чужакам там селиться. Вот свое строение Юр князю вернул, а тот привез новую семью да там поселил.

– О, как... понятно. Деда, а чего со школами? Митек сказал, что школы тут есть. После женитьбы учиться не надо уже, все?

– Ты что, школы боишься? Да не может того быть, чтобы ты неучем был. Видно же – умен, – но в глаза мальчишке все же заглянул и, удовлетворившись увиденным, довольно сам себе угукнул.

– Ниче я не боюсь, просто спрашиваю. Просто не люблю я школы, – Калин шмыгнул носом, опустив в пол глаза.

– Спрашивает он, угу... Надо, милый, надо. У меня и взрослые ходят, а не то, что сопляки вроде тебя. Князь наш очень мудрый человек, даже не глядя на то, что молод, не зря он ввел грамоту и обучение истории в нашем регионе. Другим наукам тоже учим и неспроста, потому как образованный человек – умный человек. А это значит, что наши люди будут на голову выше и на шаг впереди других, и он это прекрасно понимает, вот и повелел в своем княжестве обучать всех подряд.

– Подожди, не понял, а школы что, только у нас?

– Ну да. И то сравнительно недавно ввели это занятие. Вот как молодой князь из столицы вернулся на место отца своего помершего, так и повелел людей обучать наукам разным. Говорят, что он в Пустоши ездит, знания древних там ищет. Рисковый человек, жаль будет, если погибнет, не оставив наследника.

– Вот же фаргануло... – буркнул себе под нос Взрывник, горько усмехнувшись. – А кто же учит-то, если все безграмотны?

Дед, чуть подавшись вперед, внимательно посмотрел на мальчика, с прищуром так, изучающе, словно пытался разглядеть внутри чего-то, ранее неведомое.

– Молодец, – кивнул он одобрительно, – хорошо голова твоя работает. Каждый седьмой день приезжает человек от князя, он грамоте всех и учит, иногда и сам князь сзывает к себе особо смысленных и рассказывает им интересные вещи, которым они потом обучают односельчан. А вот остальному всему служитель Храма учит, я да другие старейшины и люди мастеровые, несущие в себе знания предков, тоже наукой делятся, дабы не затерялись знания в веках, как прежде. Эх... нынешнего князя да в те бы времена... Мой прадед такие вещи делать умел,

а мне лишь крохи тех знаний достались. Да вот нож этот в наследство, – указал взглядом на перевязь отца.

Потом почему-то испуганно оглянулся на входные двери, встал, прошел медленно по комнате, прислушиваясь, заглянул в окно, за дверь. Вернулся, сел на свое место и, посмотрев на мальчишку просто убийственным взглядом, тихо, вполголоса сказал:

– Ляпнешь кому о том, что сейчас скажу, и весь род погубишь. Понял?

Взрывник кивнул, при этом громко сглотнув.

– Нож этот не простой, это – артефакт древний, а артефакты мы обязаны сдавать в Храм, те же, в свою очередь, передают Кардиналам. Люди они или нет, доподлинно неизвестно, но то, что с Богами общаются, как я с тобой, это точно. Оружие сие неприметное, на вид обычное – нож да и нож, потому и не всполошился никто доселе, не отобрали. Так вот, оружие это подарил нашему предку знатный воин. Были такие в древности, не знаю, как звались, затерялись они в веках. В одном сражении наш пращур спас жизнь этому воину, и тот в знак благодарности подарил свое оружие, сказав, что отец его – колдун умелый, и клинок этот не прост, вязь на лезвии заговорена. Убил врага этим ножом, и душа вражья навечно в рабстве у него, и питает вечно силой и знаниями того, кто ножиком владеет. Сколько кровушки сталь его испила, мне неведомо, но, думаю, много, особенно во времена Хаоса. Одно скажу: сила от него такая исходит, что простого человека делает совсем не простым. Кровь как почует, словно оживает в руке, и не ты им, а он тобой управляет, отражая неожиданные удары, защищает от смерти. Живуч хозяин клинка глотам на зависть, хотя эти твари самыми живучими считаются, но и плату за защиту отдавать надо кровью. Я, Калин, мутант старый, – усмехнулся Дед, – опытный и умею видеть в чужих головах не только то, что было, но иногда и то, что будет. Было время, когда этот клинок передали мне; пришло время, когда я его отдал твоему отцу; теперь же я увидел твое будущее, посоветовался с сыном, и мы решили, что пришла пора отдать его тебе. По возрасту рано, слишком рано, но мой внутренний голос говорит, что так надо. Отцу твоему сон вчера приснился, как в незнакомом месте при большом скоплении галдящего народа ты выходишь на арену сражаться с глотами. В прошлом тебе уже приходилось убивать и не только монстров, – старик тяжело вздохнул, но заметив, как при его словах с лица мальчишки схлынула вся кровь и на лбу заблестели бусины холодного пота, а губы паренек закусил чуть ли не до крови, ободряюще похлопал внука по плечу. – Ты сильный. Справишься.

Тяжелой тучей под крышей повисло угнетающее молчание.

– Мда... не к добру все это, ох, не к добру, – продолжил дед после размышлений. – Да еще и очередной недоим приключился... Сын, я хочу, чтобы ты занял мое место. Когда придет мытарь, я назову твое имя.

– Нет, – буркнул Юр, не поднимая глаз на Люта. – Нет, отец. Я не стану этого делать.

– Успокойся. Это уже свершилось, и чуда не произойдет. Я доживаю последние дни и хочу быть спокоен, что этими баранами есть кому править.

– Но, отец...

– Не нокай. Я сказал свое слово, сын. Просто мне не повезло, слишком много народилось у нас мальчиков. Три года кряду больше двух десятков молодняка в каждой деревне, а на Озерске в том годе аж двадцать семь человек было за раз. Жениться всем охота, женилки-то, небось, чешутся, вот и строят, стругают, а до сева и добычи дела нет, где же тут свою норму в общину сдать? Да и непривычны еще, из-под батькиного крыла токо. Охо-хо... Но, ничего, эти-то уже почти оперились, а год-другой, так и вовсе на крыло встанут. Так что, сынок, ты долго жить будешь, если сам дров не наломаешь от дурной головы. Но Котовы скудоумием не страдают, – и подмигнув внуку, он улыбнулся. – Справится твой батька, не бойсь.

– Не смогу я, Бать. Пойми.

– Сможешь! Не перечь мне!

Поглядев на недоумевающее лицо мальчишки, дед пояснил:

– Староста, трижды не сдавший имперский налог, обязан покинуть свой пост... через казнь. Казнь приводит в исполнение тот, на кого староста перекладывает свой пост. Вот так-то, внучек... Пять человек в обмен на полтыщи.

В душе у Взрывника словно что-то вырвали, словно кус мяса из тела. Он готов был уже заплакать.

– Но... но, как же так? Так ведь неправильно, так нельзя! – хоть и старался сдержаться, но слеза выступила, и мальчишка быстро смахнул ее рукавом, при этом шмыгнув носом.

– За все надо платить, запомни. И всему есть своя цена.

Снова повисла тяжелая тишина. Лют, облокотившись о стол, задумчиво уставился в стену.

– Дед, почему размен пять на полтыщи? Не понимаю.

– Во-от, а ты в школу ходить не хочешь, жениться спешишь, – Лют усмехнулся, слегка похлопывая себя по животу. – У нас княжество Варламское, рода Варламовых, что тоже древние, как и мы, но богатые. Так вот, в княжестве пять деревень с населением довольно большим. В каждом – по двадцать отроков, в среднем сколько получается?

– Сотня, – даже не задумываясь, выпалил папан. Седые брови деда взлетели вверх, напомним снежные вершины гор.

– Так, а теперь на три это увеличь, что получается?

– Триста.

– А теперь представь, что все эти триста по деревням переженились и дети у них, да хоть, по одному.

Взрывник чуть задумался и выдал:

– Девятьсот человек получается, деда, это, если в среднем брать, потому как у кого-то двое, или даже трое уже за три года, а у кого-то ни одного еще.

– Ага, правильно мыслишь. Вот, Юр, гляди, как счет вести надо. Даже я так лихо не умею.

– А ты сказал пятьсот, ну, то есть, полтыщи.

– Угу... Полтыщи... Потому как не все еще переженились. Вот то на то и выходит, что за три года у нас полтыщи новых семей в княжестве.

– Богато живет князь. Что же он выручить не может и недоим перекрыть? – возмутился Взрывник.

– Чем он будет его перекрывать, если все пять деревень с недосдачей третий год?

– Ну, сбережения там какие, деньги, ценности. Не нищий же он, в конце концов, должны же быть запасы на черный день?

– Ну, не знаю, Калин, может, и перекроет. Человек он умный, считать умеет получше меня, думаю, понимает причину и выгоду в происходящем. Авось и минует нас смерть, как знать.

– Может, не ждать чуда, а сходить, поговорить с ним?

– С кем? – усмехнулся дед. – С князем-то? Да нема его уже как третий месяц, видать, снова по Пустошам лазает, артефакты долбанные ищет.

– Понятно. Археолог чертов, – разочарованно буркнул мальчик.

– Как ты сказал? Кто?

– Ученые это такие, которые ищут и изучают всякие древности.

– Кхм, значит, охотники Пустошей – это археологи чертовы?

– Да нет, деда, – звонко рассмеялся мальчишка, – просто археологи. Второе слово – это я так, со зла добавил.

– Сквернословим, значит? – сощурил дед глаза, глядя на внука, и лучики морщинок залегли еще глубже.

– Ну, это не сильно плохое слово...

– Ну-ну, ты мне еще расскажи, кто такие черти.

– Ну, мало ли, а вдруг вы тут не знаете, кто это.

Дед рассмеялся, даже угрюмо сидевший Юр немного улыбнулся, но в глазах его грусть так и осталась.

– Ну, что, сынок, давай обряд проведем? Уж очень хочется еще раз на это чудо посмотреть.

Юр степенно поднялся с табурета, подошел к отцу, поклонился в пояс, выпрямившись, глянул на сына. Тот лихо соскочил со своего места и повторил церемонию, поклонившись деду, а потом и отцу. Великого ума тут не нужно, чтобы понять, чего от него требуется. Юр вынул кривой широкий нож с затейливой, непонятной вязью на лезвии, и чиркнул им себе по левой ладони.

– Запомни, сын, эти слова – отдаю добровольно, – и, взяв окровавленной левой рукой рукоять, полоснул лезвием по левой же ладони сына, вложил ему в руку измазанный клинок. – Теперь он твой. Владей.

Струйка крови побежала по лезвию, и вязь полыхнула огненным свечением, заворожив своей красотой. Калин обомлел, а старшие мужи уже видели эту картину и с благоговением наблюдали вновь. Дед любовался, наслаждаясь зрелищем. Несколько мгновений, и все исчезло, словно и не было ничего. Мальчик аккуратно провел пальцем по надписи, погладил сталь клинка.

– Теперь ты – мой, – тихо сказал он ножу. – Ты голоден, я чувствую. Отец, почему ты его не кормил?

Мужчины серьезно переглянулись.

– Сынок, я не воин, живем мы мирно, а просто так убивать нельзя. Мне нечем было его кормить.

– А охота? Охота – тоже ведь хорошо. Он так давно не пил крови, что даже сивучу облезлому будет рад.

– Ну, так тому и быть, как домой вернемся, укажу тебе сивуча – лови и корми свой нож.

– А поймашь ли? – с хитринкой в глазах спросил дед.

– Поймаю!

## Глава 4

После судьбоносной беседы прошел почти месяц. Лют старался как можно больше времени провести с семьей. Боги даровали ему двух сыновей, но вскоре после рождения второго болезнь забрала младенца и еще неокрепшую после родов жену. Он женился во второй раз и в третий, но Боги упорно оставляли его вдовцом. Больше испытывать судьбу и рисковать чужими жизнями он не захотел – так и остался сам, с единственным сыном. Но вскоре мальчик вырос, женился, появились внуки – не радость ли? Известие о смерти Калина, конечно, же печалило, но внук вроде как и не умер. Вся эта история с переносом души не укладывалась в голову, Лют не спал ночами, все думал, прокручивал увиденное и услышанное, анализировал. А мальчишка ему нравился: бойкий, смысленный, целеустремленный. Как хотелось узнать его получше, но уверенность в том, что времени почти не осталось, в душе сидела крепко, и то видение на арене с глотами говорило, что вскоре все изменится – жизнь даст здоровенную трещину. Знать бы еще, откуда ждать беду. Все эти мысли кружили и кружили, не давая старику покоя. Да, нынешний Калин кардинально разнился с прежним, благо все вопросы невестки и соседей насчет странного поведения ребенка списали на последствия болезни, Дар Богов и лечебные процедуры. Мало того, что постоянно сыпал странными, неизвестными словечками, так еще и каждое утро начинал с обливания водой из колодца, зачем-то размахивал руками, ногами, приседал и бегал вокруг дома, потом вновь обливался ледяной водой и только после этого шел завтракать. Но все бы ничего, если бы вскоре к нему не присоединился и Юр. Теперь они занимались этой дуростью вдвоем, что не осталось незамеченным соседями. Люди посмеивались уже в открытую. Юр повсюду ходил с сыном, даже на охоту взял с собой, не посмотрев на негодование супруги. Опасное это занятие – охота. Детям там не место, только после инициации, и то не в первый год. Но они-то не знали, что Даром морочить голову обладала не только их Мурайка, но и сам хозяин, да и мальчишка далеко не промах. Юр рассказал, как паренек ходит по лесу и метко швыряет нож в добычу – Лют не поверил своим ушам. Решили мальчика отвести к Степану, обучить стрельбе из лука, глядишь, и пригодится, раз у него такие склонности к подобным наукам.

В счете малец оказался разумнее самого княжьего человека и чуть не поплатился за это, но сообразил, вовремя опомнился и умело вывернулся, списав все на случайность. Впредь мальчонка притворялся глупцом, хотя в письменности он действительно ничего не понимал, даже того, что знал прежде, позабыл. Буквы учил заново, но писал красиво, умело. Нет, писать-то он умел лихо, но когда Лют увидел эти письма, то чуть не помер раньше времени от изумления и страха за жизнь внука. Мальчик писал на языке Древних, и дед строго-настрого запретил кому-либо показывать эти знания.

В ту ночь, когда, как обычно, мучила бессонница и лезли разные мысли, Лют прозрел: если малец знает письменность Древних, может, и еще какие-то давно позабытые в этом мире знания известны ребенку? Еле дотерпел до рассвета, так хотелось ворваться в дом сына и, разбудив мальчонку, засыпать вопросами, и старик не ошибся – ребенок действительно знал многое. Но, к сожалению, в этом мире большинство его знаний были бесполезны. Сотворить такое реально не представлялось возможным. Его рассказы про тамошний быт больше походили на байки шутников-сказочников, нежели на правду. Ну, как может человек летать среди звезд? Это же немыслимо, там ведь Боги живут. Что же получается, вот так просто можно было слетать в гости к Богам? Понятно тогда, почему те Боги наказали наглецов, уничтожив все их творения, и почему после Черных времен все знания Древних стали под запретом, вплоть до смерти – люди боялись повтора напасти. Эх, сколько полезных знаний утеряно из-за этого страха...

\* \* \*

– Вставай, лежебока, сивучи проорали давно, а ты все спишь и спишь. Вставай, Калин, мне скучно. Батя затемно еще ушел куда-то, Анята с матерью, я на хозяйстве, а ты валяешься. Кстати, а чего это ты не с отцом сегодня, че валяешься-то? Ну, вставай же, ленивец!

Доня ловко бросила в дремавшего брата свою подушку.

– Дела у них там с дедом какие-то, не взяли меня сегодня. Дай поспать, зануда, в кои-то веки дома остался, совести нет у тебя, хуже сивуча горланишь, – пробурчал сонный, недовольный мальчишка и, скинув с себя брошенную подушку, перевернулся на другой бок, натягивая одеяло до самой головы.

– Прятаться, значит, ага, ну, ща я тебе...

Взрывник выглянул из-под одеяла в приоткрытую щель и состроил сестре рожу. Вновь затем спрятался. Девочка обиженно засопела.

«Ну, не отцепится же», – подумал мальчик и сладко зевнул, развернулся, потянувшись, и почувствовал, как зудят все мышцы – нарастают.

Болеть от ежедневных занятий мышцы уже неделю как перестали. Открыл глаз. Слегка курносая, злая и обиженная мордаха Дони с двумя рыжими косичками, закрученными по бокам в нечто, напоминающее сдобную выпечку, насторожилась.

В желудке заурчало.

– Вот, тебя не разбуди, так голодом заморишься. Я ему каши сготовила, а он обзывается. Нормальные люди скоро обедать пойдут, а ты завтрак еще в глаза не видал. А как же твои занятия лечебные перед едой, ась? Че, не будешь сегодня вокруг дома бегать? Обедать пора давно, а ты завтрак в глаза даже не видал, – повторила с нажимом, – поднимайся сейчас же, кому говорю!

– Нет, сегодня я – лентяй, с утра уж точно.

Тут же полетела вторая подушка, видимо, Аняткина.

– Все, встаю, не рычи, – и мальчик нехотя вылез из мягкой, теплой постели. Сел, почесался, зевнул и посмотрел вверх на потолочные балки – там было пусто.

Неспеша натянул штаны и пошлепал босыми ногами по прохладному полу в общую комнату, служившую кухней, столовой и, видимо, гостиной, уселся за обеденный стол, на котором уже стояла миска с кашей, испуская аппетитный мясной аромат. Втянул носом воздух и зажмурился от предвкушения вкусной пищи.

Из спальни за спиной раздалось шутивым тоном:

– Спасибо, Донишка, какая ты заботливая сестричка!

– Спасибо, Донишка, ты – самая лучшая на свете! – смеясь, ответил Взрывник, уже примериваясь, с какой бы стороны почерпнуть горячую еду.

Над головой сразу зашебуршало.

«Ага, явился, обжора», – подумал мальчик и потянулся за угощением для друга, уже свисающего вниз головой, зацепившись хвостом за перекладину.

– Мрук-мрук, – прозвучало тоненько, но с хрипотцой, – мрук.

Когда он «мрукал» вот так, два раза подряд, то получалось очень похоже на лай.

– О, привет, мохнатый! Че, есть хочешь? Ну, лови, – приветливо ответил Взрывник, подкидывая вверх кусочек лепешки.

Зверек ловко поймал угощение передними лапками, проворно запихал весь кус в пасть, напомнив довольно упитанного хомяка, и торопливо заработал челюстями.

Смешного, необычного зверька мальчик подкармливает уже не в первый раз. И тот, уловив момент одиночества мальчишки, тут же дает о себе знать. Анята рассказала, что это тоже животное вроде как домашняя, но не ручная. Часто селится на крышах, любит тепло и ворует

еду, но люди особо их не гоняют: где живет мрякул домашний, он же баюн или крысоед, там не водятся грызуны, а они – вредители похлеще довольно скромных, крылатых зверьков. Ну, стянул лепешку или кусок мяса, а не бросай на ночь не прибранным – хозяйке наука. Взрывник решил приручить зверька и начал на ночь оставлять кусочки еды около своей кровати. В итоге, спустя неделю Мрякул уже сам просил новую порцию лакомства, но шел он на контакт, только когда Взрывник был один.

Пока мальчик болел, находился в родительской спальне, подальше от суеты и шума, так как комнату детей перегородили на две части плетеной полкой для вещей. В дальнем углу Взрывник и расположился после выздоровления, видимо, то была часть Калина, всю остальную площадь небольшой комнатки занимали девочки. Пусть и номинальная, но собственность, а это уже хорошо, и мрякул по ночам даже спускался к Взрывнику на кровать, позволяя себя гладить.

– Как же тебя назвать, живчик? – мальчик легонько чесал зверька пальцем за ухом, как кота.

Мрякул издавал очень схожие вибрирующие звуки, вольготно растянувшись на всю подушку.

– Может, Мурзиком? Знаешь, твоих очень далеких предков часто так называли, а еще Барсиками.

Мрякул отвернулся от Взрывника, подставляя второе ухо.

– Не? Не нравится? Ну, ладно, а как насчет имени Брут? Был такой дядька, хотя нет, не стоит, история гласит, что оказался Брут предателем.

Зверек тихонько чихнул и проворно взметнулся по деревянной стене вверх, на балки.

– Хех, ну, бегай пока без имени.

Семья Взрывнику попалась добрая, заботливая, хотя, строгости, конечно, хватало, но без нее в нормальных семьях нельзя – никакого порядка иначе не видать.

Пока Калин болел, спрос с него был невелик: спал да ел, гулял по двору под присмотром одной из сестер. Девочки оставались в няньках посменно, за калитку больному выходить не разрешалось. Он и не горел особым желанием воочию столкнуться с реальностью нового мира. Информации хватало с избытком и в закрытом пространстве, а ослабленному организму лишние нервные потрясения ни к чему. Доня с Аняткой просвещали его усердно, рассказывая иногда такие вещи, которые просто не укладывались в голове. Митек также не забывал больного и регулярно лазал через изгородь, навещая товарища. Так что и от него информации шло с избытком, только успевай переваривать.

Год на дворе стоял две тысячи четыреста семьдесят второй от Второго сотворения мира.

– От Второго сотворения мира, – тихо повторил ошарашенный новостью Взрывник, – как это, от второго? – спросил он у Митька.

– Э-э-э... – полез тот пятерней в свои вихры чесать затылок. – Ну, это... когда наступили темные времена и мир пал прахом, прежний отсчет кончился, потому как люди сказали: «И настал конец света, и поплатились мы за грехи наши, за непокорность...» – забубнил он явно заученный текст. – Знаешь, Калин, давай лучше к деду твоему сходим, он тебе все и расскажет, как предки завещали. А я... Ну, это, ты же знаешь, плохо слушаю его рассказы. Короче говоря, когда-то давно был другой мир, и наши предки жили все богачами, и даже умели летать по небу и многие другие штуки умели делать, в том числе и страшное оружие. И вот две богатые империи поссорились и стали воевать друг с другом, убив очень много людей. Боги сильно разгневались из-за того, что дали людям все, сделав их себе подобными, а они повели себя, как глупые, жадные животные, которым вечно всего мало. Разгневались Боги и наслали кары небесные на все человечество, сотворив Конец света. Разрушили они все жилища, отняли у людей все их способности и загнали оставшихся в живых жить под землю, как демонов – в

ад. Говорят, что глоты как раз из них и получились. Но не всех людей Боги так сильно покарали. Тех, кто жил скромно, праведно, отдаленно от огромных городов, они оставили в живых, правда, наслали множество испытаний в виде разных болезней. Люди рождались страшные и уродливые, и многие убивали свое потомство, чтобы не переродился род человеческий в монстров из Преисподней. Но большинство матерей не хотели убивать своих детей, пусть те и выглядели иначе, и молили они Богов о спасении. Тогда Боги и послали слуг своих, Кардиналов. Они приходили и забирали кривых детей. С тех пор много времени прошло, но и сейчас, бывает, что рождаются проклятые, и тогда их отдают в дар Богам.

– Убивают?

– Нет, ты что! В каждом крупном святилище есть человек, служка Кардиналов, а бывает и сразу несколько, если святилище крупное. Детей отдают им, а они уже относят их в город Богов. Артефакты, кстати, найденные людьми, тоже им отдают. Грешно это, вещи Древних у себя держать, Боги покарают. В храме об этом на каждом уроке говорят. Надоели, зануды.

Взрывник в недоумении приподнял брови:

– В город Богов, значит, детей и найденные артефакты?

– Угу. Там Кардиналы и живут. Говорят, что им Боги даруют чудеса и способности разные, как и раньше, как Древним когда-то, и только им позволено пользоваться магией. Но я не верю. Разное болтают, даже такое, что они мертвых воскрешать могут и вынимать болезнь из нутра, не убив при этом, а наоборот, вылечивают, а еще мысли читать могут и повелевать животными и даже людьми, – мальчишка воровато оглянулся, словно боясь, что кто-то его услышит, и, махнув рукой, добавил. – Ай, чепуха все это, Калин, не бывает такого! Не верь, это для детей малых росказни да пугалки, чтоб слушались да были покорны, а иначе придут Кардиналы и заберут. А совсем неслухов глотами пугают. Лют говорит, что если бы люди не отдавали порченное потомство Богам, то все бы в глотов превратились, потому что те не почитают Высших, Правителя Светлейшего и не чтут Империю, Богов не признают и власти их. Живут, как животные, в своих норах под землей в проклятых пустошах, уродливые, тупые пожиратели человечины. Тьфу! – передернувшись всем телом, он брезгливо плюнул на пыльную землю.

Взрывник задумался. Получается, что он попал совсем не в прошлое, как предположил изначально, а в далекое будущее, где, судя по рассказам, случилась Третья Мировая и наступил Великий Писец на всей Земле. Как цепная реакция раненной планеты – изменение климата, затем полная деградация человечества и новая попытка развития на остатках бывшего величия и знаний. Спустя века погибший мир выполз из пепла и, встав на карачки, наплодил новых существ, подобных этой корове-мутанту. А люди, жившие в мегаполисах, таких, как Москва, Нью-Йорк, Лондон и Токио, спасшиеся во время бомбежки в метро и других подземных укрытиях, со временем превратились в мутантов-каннибалов, скатившись к самому низу интеллекта. Сохранили человеческий род люди из глубинки, дальних деревень, отшельники-староверы и те, кто сумел уйти как можно дальше от зараженных земель. Спустя века язык тоже мутировал и стал помесью привычных для мальчика слов с режущими ухо старыми и совершенно незнакомыми новыми звуковыми образованиями.

– М-мда... – Взрывник потер вспотевший лоб и рассеянно окинул взглядом двор.

Добротный бревенчатый дом, два сарая, овин-сеновал, колодец в дальнем углу и вытоптаный пятак посреди всего этого, и это – зажиточные люди по местным меркам... Мрак. Спустя две тысячи лет в этой Вселенной даже электричество не придумали, хотя, какое, к черту, электричество, они позабыли все те знания, которые несли в себе их цивилизованные предки.

Товарищ беспардонно прервал полет размышлений молодого аналитика.

– Тебя долго еще дома-то держать будут? Праздник скоро, ярмарка будет, гулянья. Отпустят родители-то тебя?

– Отпустят. Я уже нормально себя чувствую, так что сходим с тобой, поглядим на эти гулянья.

Одна из сестренок наводила порядок во дворе, пока мальчики беседовали, как обычно сидя на ступеньках.

– Шел бы ты уже домой, Митек, – остановилась она у крыльца с охапкой соломы. – Скоро мамка вернется, и всем влетит за то, что ты снова тут ошиваешься, да батька твой, наверно, давно потерял сына-лентяя.

– Заботливая сестрица у тебя, Калин, вот если бы яд с языка не капал так густо, то цены бы ей не было.

– А ты будто свататься собрался, прицениваешься. Что дела тебе до языка моего? Как хочю, так и капаю.

– А может, и собрался. Гляди не прикуси, а то так и отравишься, придется мне на Доньке жениться, а она еще хуже тебя будет.

– Тоже мне, женишок сыскался. Мал ты к нам с Донею свататься. Тебе еще три года до обряда, а мы уже в следующем пройдем, – насмешливо фыркнула девочка и показала язык претенденту.

Щеки мальчика покраснели то ли от злости, то ли от смущения, или даже от всего вместе взятого. Он опустил голову и посмотрел на Анятку исподлобья, засопел носом.

– Иди, иди, женишок, даже каплименту нормально сказать не умеешь.

– Больно мне надо еще комплименту тебе говорить, – надулся совсем уже разобиженный мальчишка. – Ладно, бывайте, – махнул он Калину на прощанье и ловко сиганул через забор.

– Вот чего ему, как человеку, в калитку не ходится, а? Скачет, словно сивуч, по изгородям.

– Кто это – сивуч? – Взрывник впервые тогда услышал это незнакомое, новое для него слово.

– Так вон же, – усмехнувшись, Анята показала на одного из десятка копошащихся во дворе чешуйчатых мини-птеродактилей, которые явно вышли из мутировавших кур.

Полноценно летать, как птицы, эти «птеродактили» так и не научились, но скакали через двухметровые заборы очень лихо, точно, как Митек. Взрывник хихикнул. Анята, поглядев, на брата тоже захихикала.

– Правда, похоже, да? – и, не сдержавшись, захохотала во весь голос, заливисто и чисто. Взрывник тоже рассмеялся. Давно, ох, как давно он так не веселился.

\* \* \*

Утро началось еще до рассвета. Мальчика подняли, искупали, причесали и одели во все нарядное, яркое, с вышивкой, и даже сапоги натянуть заставили, хотя до этого за все время он даже захудалых тапок не видал. Думал, что обуви у людей тут не предусмотрено вовсе. Есть обувь, у всех есть: и у отца высокие кожаные сапожищи, и у матери с сестрами закрытые туфли с нашитыми сверху побрякушками. Дополнительно – разноцветные ленты в волосах, бусы, браслеты.

– Ну, ничего себе, – разглядывал мальчик свое преобразившееся семейство. – Мы, никак, на праздник идем?

Отец дочичал и без того блестящий сапог.

– Урожай собрали, общину сдали, сегодня сход старейшин с дальних селений Совет держать будет и главному старосте отчет давать. День важный, сынок, не до гуляний мне. А ты погуляй, погляди, считай, в первый раз все увидишь уже, да денег на сладости не жалея. На, вот, держи, – и, сняв с пояса маленький мешочек, отсыпал всем троим по пять невзрачных, кривеньких монеток.

– Юр, – укоризненно покачала головой Инала, – не много ли раздаешь?

– Не много. Заслужили. Пусть вдоволь нагуляются.

– Ох, и балуешь ты их, Юр. Анята, спину выпрями. Доня, опять растрепалась, а ну косу поправь, – потом перевела взгляд на сына, обсмотрев с ног до головы, но промолчала, видимо, все в норме оказалось.

Взрывник сел на лавку уже прилизанный, одетый и переваривал услышанную информацию. Бесцеремонно сдвинув его в сторону, рядом плюхнулась Анята.

– Чего ты мрачный такой? Да не грусти, это дела для взрослых, для мужчин, а бабы и дети на Сход не ходят.

Доня добавила:

– Мы на ярмарку пойдем. Сегодня будет большой торг. Карусель, сладости, украшения всякие, ленты красивые. Ух, и накатаемся!

Анята заявила:

– А я все деньги тратить не стану, цапек у меня и без того хватает. Отложу половину, только на карусель пойду и погляжу, чего пришлые привезли.

– Ага, поглядит она, конечно, а главное – там Бадуг будет, важный, как сивуч брачующийся, – хихикнула вторая сестрица. – Хотя, почему, как? – хитро зыркнув на уже злющую Аняту, пискнула и проворно спряталась за широкой спиной отца.

– А ну, не баловать мне! – рявкнул тот. – Раз готовы, на выход, – скомандовал глава семейства и, поправив перевязь с новым, недавно купленным тесаком, размерами не уступающим прежнему, посмотрел на все еще хлопчущую супругу.

– Какая же ты красивая у меня, – тихо промурлыкал он в бороду и, обняв за талию, нежно погладил живот, поцеловал в губы.

– Ах, бесстыдник, – шепнула Инала, бросив застенчивый взгляд на детей.

Доня покосилась на живот матери и захихикала.

– Кажется, у нас скоро будет еще один братик, – веско заявила рядом сидящая Анята, – или сестра.

– Две! Девочки в нашей семье по двое рождаются, – не заставила себя долго ждать и Доня, вставив свое мнение.

Глянув с укором на дочек, Инала покачала головой:

– Болтушки.

\* \* \*

Мужчины на площади толпились и гомонили, что-то орали, махали руками, но Калин наблюдал за этим из соседнего проулка, и о чем шел спор, так и не расслышал. На карусели с сестрами он не пошел, в торговые ряды с матерью – тоже. Сказал, что Митька найти должен – договорились, и направился к дому деда.

Его, как еще не прошедшего инициацию, на совет, естественно, не допустили.

– Детям тут не место! – рыкнул один из «взрослых», у которого даже щетина на лице еще не успела пробиться.

Прослонявшись с четверть часа вокруг да около и толком так ничего и не поняв, подросток расстроился. Митька он тоже не нашел, хотя тот и обещал ждать у колодца.

«На ярмарку, что ли, пойти», – думал он, все же пытаясь хоть что-то разглядеть из-за спин столпившихся, как вдруг резкая боль в плече заставила грубо выругаться и по отработанной еще в той жизни науке уйти в пережат из опасной зоны.

Что произошло, Взрывник понял спустя миг после того, как увидел троицу ухмыляющихся подростков, подбрасывающих в ладонях камни. Изображая из себя крутых наглецов, просмешники, которые хорошо запомнили субтильного пацаненка еще с праздника Посевной, в ухмылке скалили зубы. Компания молодых обормотов во главе с Бадугом решила оторваться по прежнему сценарию...

– Ба! Кого мы видим! – театрально раскинув в римском приветствии руки, вперед шагнул белообрый подросток с наглым и очень неприятным выражением лица. – Да никак наш несостоявшийся покойничек объявился! Ну, здравствуй, сродственничек.

В мозгу пролетели картинки, связанные с этим упыренушем, который вместе со своей шайкой уже не раз донимал Калина, и подсознание завопило тревогу, подсказывая, что нужно бежать, потому как сейчас его будут бить.

– Глянь, Бадуг, да этот пришибленный у батьки ножик стянул, – развязно вытолкнул сквозь зубы «помощничек» главбанды.

– Это он мне подарочек принес, как будущему мужу своей сестрицы, да, Калин? Ты же для меня его у батьки украл? Ну-ка, давай сюда мой подарочек скорее.

– А если он отцу расскажет? – забеспокоился третий, самый упитанный, чем-то похожий на мопса.

– Ну, про паука же не рассказал? – парировал наглый главварь. – Хотя, с пауком, конечно, перебор вышел, признаю. Но кто же знал, что ты так загнешься от его укуса. Меня Желтоспин тоже кусал, и ничего, жив, ток полихорадило немного, а ты, видать, хлюпик совсем, что чуть не сдох.

До Взрывника стало доходить, по чьей вине умер мальчишка Калин, и кто принес столько горя и переживаний этой семье. Семье, к которой за два месяца с небольшим он успел проникнуться сыновними чувствами. Выходит, именно этот Бадуг бракуется перед сестрой того, кого он вместе со своей шайкой тупых вырожденков нечаянно убил. Злость начала бурлить в душе мальчишки, разогревая кровь и подкачивая в нее адреналин.

– А если бы я умер, то что тогда? – выдавил он сквозь зубы.

– Ой, ну, подумаешь, неудачная шутка. Не умер же, – нагло заявил подросток и смачно плюнул Калину под ноги, у самого носа начищенного новенького сапога.

Вот только теперь перед ними стоял не совсем Калин, не тот деревенский, видимо, изрядно затравленный мальчуган, а человек, которому уже приходилось убивать, защищая свою жизнь, пусть и юный, но боец, прошедший азы боевой подготовки.

– Ну, че стоишь, бегом, сказал, я жду! Подобру отдавай, иначе сам знаешь, что хуже будет, – оскалившись, захихикал предводитель гнусным шакалом, и стайка поддакнула в тон вожаку. – А батьке скажешь: «Потерял».

– Ага, потерял, – хихикал, подхрюкивая «мопс».

Взрывник сделал испуганное лицо, при этом стараясь не заржать от осознания, в какое печальное положение попали эти деревенские, необученные увальни, привыкшие шугать мелких и слабых. И впрямь, шакалье. Очень захотелось их наказать.

– Много чести, – слегка склонив голову вбок, явно издеваясь, заявил вроде как напуганный мальчишка, ростом едва дотягивающий до уха самому низкому из троицы. Изобразил вяло трясущуюся руку.

Бадуг приоткрыл рот, удивленно хлопнул ресницами раз, другой.

– Сам иди, – продолжил Взрывник тем же тоном. – Возьми, если сможешь, женишок.

И все же, не удержавшись, оскалился улыбкой довольной акулы, увидевшей серфингиста – вот тебе и еда на блюдечке, с салфеточкой в придачу.

– Бей его, ребята! – крикнул Бадуг, неожиданно для себя дав петуха.

Первым ринулся стриженный под горшок, самый высокий и плечистый, с туповатой рожей. Подойдя к Калину, он взял его за грудки и как бы нехотя потянул на себя. Калин немного напрягся, чуть выставив вперед левую ногу. Бугаю пришлось приложить больше усилий, чтобы притянуть к себе мальчишку, и не заметно для себя сделать шаг навстречу правой ногой, тем самым подставляя ее. Калин тут же ступил навстречу, подсекая опорную ногу. Бугай отшатнулся, зацепился и полетел спиной вперед, увлекая за собой захваченную жертву, которая в полете со всего маху еще и бычка врезала.

«Ух, не рассчитал, – подумал в это мгновение Взрывник. – Аж искры из глаз посыпались».

Мельком взглянув на разбитую харю противника, он незаметно подхватил с земли камешек. Калин уже стоял на ногах, а здоровый детина в пыли валялся, потеряв сознание. Его друзья, опешив, хлопали глазами. Со стороны все выглядело как нелепая случайность. Взрывник резко сократил дистанцию, и «мопс» почувствовал, что его колокольчики звонят похоронную мелодию в районе горла. Еще больше выпучив глаза, несчастный схватился за пах, тоненько заскулил, кулем оседая на землю.

– Нож тебе еще нужен? – усмехнувшись, спросил Взрывник, стоя уже в метре от растерянного Бадуга. – Ну, лови, – он подкинул при этих словах вверх подобранный камень.

Бадуг задрал голову, наблюдая за полетом предмета, а когда опустил ее, почувствовал острие холодной стали у себя на лбу, прямо промеж бровей. Собрав глаза в кучу и подняв их вверх, Бадуг громко сглотнул.

– Ну, что, дать? – участливо поинтересовался Взрывник и слегка нажал на рукоять. Острый кончик впился в кожу.

– Хочешь, я из тебя Гарри Поттера сделаю? – усмехнулся мальчишка и заметил, как маленькая капелька крови покатила по лезвию, исчезая на глазах. Впиталась.

Раньше, на охоте, кровь животных так не впитывалась. Нож загудел и завибрировал в руке Взрывника, прося еще и еще.

Снова сглотнув, Бадуг заорал и кинулся бежать, постоянно озираясь по сторонам безумным от ужаса взглядом.

– Охренеть, – пробормотал Взрывник, разглядывая подарок главы семейства. – Так вот какой ты, Северный олень... и правда живой.

## Глава 5

Когда брат явился к каруселям на ярмарке без своего закадычного дружка, Анята шутиливо поинтересовалась:

– Каким таким чудом, младшенький, ты умудрился потерять свою тень?

Но Калин на шутку отреагировал странно, ответив, что тени исчезают в полдень. Аняту такой ответ поверг в растерянность, но отставать девчонка вовсе не собиралась: странно это очень, чтобы Калин да без Митька гулял в праздник такой, один. Хоть она и третировала вечно этого оборванца, но в душе всегда жалела прыгуна.

Митьку, в отличие от товарища, не очень повезло с семьей, а вернее, очень не повезло. Мать его вновь ходила с животом, в одиннадцатый уже раз, практически каждый год у паренька появлялись то брат, то сестра, он же был четвертым по счету. Двое старших уже ушли из отчего дома, Федун тоже скоро уйдет на вольные хлеба, инициация у него в этом году, а вот старшая сестрица замуж не пошла, так и осталась сидеть с родителями. Нет, она вовсе не придирчива в выборе мужа, просто никто не позвал в новый дом. Скорее всего, подобное ожидало и остальных девочек: семья-то слишком бедная, приданного нет вовсе.

От постоянного шума, детского плача, криков и ругани Митек частенько сбегал и отсиживался у них дома, бывало даже, в овине пару раз ночевал, секретно, без родительского дозвола. А в это лето и вовсе стал неведомо куда исчезать из деревни, а с ним и Калин заодно. Ох, сколько Анятке стоило трудов и уговоров хоть немного разузнать, где же это они носятся. Оказалось, что совершенно случайно ребята нашли годную прятанку, в которой, по словам Калина, и жить можно сносно. Они себе там оборудовали тайное укрытие, но сестру, прознавшую о прятанке, брат с собой Калин отказался наотрез. Надувшись ненадолго, Анятка продолжала прикрывать от родителей брата и исчезновение из дома старых вещей, которые мальчишки перетянули в свой секретный домик. Хитрый братец тягал товарищу и еду, когда тот отсиживался там по несколько дней.

Митек – мальчишка неплохой, но мечтательный, любил задуматься, грезил приключениями да всякими геройствами и небылицами, о которых сказочники рассказывают на торгу. Бывало, словно засыпал на ходу с открытыми глазами, потому слыл растяпой, неумехой да лентяем, и влетало ему гораздо чаще, чем остальным, причем влетало от всех: и от старших сестры с братьями, и от матери с отцом.

Вот только Взрывник всего этого не знал, и когда товарищ не пришел к колодцу в день ярмарки, и вообще нигде не появился в тот день, обеспокоилась именно Анята, а не он, сказав, что такое гулянье этот прохвост пропустить добровольно ну никак не мог. Явно дело нечистое, что-то стряслось. Потому, позабыв про гулянья, брат и сестра отправились к Митьку домой.

Покосившийся забор, низенькая почерневшая хата с маленьким окошком у самой земли, двускатная крыша, крытая непонятно чем – Мурайкин сарай выглядел и то краше. Посреди неубранного двора сидели трое чумазных ребятишек, увлеченно ковыряя землю руками да палочками, четвертый же ползал неподалеку, подбирая мусор и засовывая в рот. Такая заброшенность озадачила приятеля, но не сестрицу. Взрывник ошарашенно встал у калитки, но быстро сообразил, получив толчок в спину...

– Нарьянка! – позвала Анята малую девчущку в драном коротеньком платьице, – Митька кликни-ка!

– А нема его. Как убег еще с угла, так и не являлся. Мало Алдына ему всыпала, больсе надо было. Вот явится, батька ему всю скулу спустит, будя знать, как бегать по ялмалкам, когда сталшая дома казала с нами сидеть.

Анята хотела было еще что-то спросить у мелкой, но ко двору, важно шагая, то и дело подтягивая одной рукой сползающие штаны далеко не его размера, уже приближался маль-

чишка постарше, ранее оголтело бегавший с другими детьми по пыльной улице. Они пинали скрученное в подобие шара старое тряпье.

– Дарова, – протянул постреленок руку Калину, состроив очень «взрослое» выражение лица, посмотрел на Аняту, коротко кивнув. – Че, поди Митька ищите? – попытался цикнуть сквозь зубы, но сконфуженно утер рукавом с подбородка повисшую слюну. Лицо мальчугана, сплошь покрытое слоем пыли и грязных разводов, украсилось еще одним атрибутом отрочества. – А нема его. Я, ваще-то, думал, он с тобой на ярмарке гуляет. Че, потерялся?

– Нет... – имени сорванца Взрывник не знал, поэтому на миг запнулся, – не видал я его сегодня, потому и пришел узнать, чего случилось-то, почему не явился, как мы уговаривались.

– Та он с Ардынкой с утра разругался. Отец наказал одному из них с нами остаться, а сам с Федунум ушел, обряд же у него вскорости, вот к старосте повел, на смотр. Ардынка же вслед засобиралася, как только батька с глаз долой скрылся, прихорашиваться начала, а Митек втихаря ушмыгнуть хотел. Не вышло. Сестрица его за патлы оттрепала и наказала за нами глядеть, ну, он ей и сказал, что толку с нее в доме больше будет, потому как ее, дуру голожопую, ни один жених замуж не возьмет. Ой, че было потом! Страсти-мордасти...

– Мало она ему дала, – вмешалась малявка. – Вот велнется батька...

– А ну, брысь отседа! Че лезешь, когда старшие говорят, вот я тебе ща! – потянулся шкет обдирать прутик с рядом растущего кустарника.

Малая скривила брату рожицу, показав язык, но замолчала и отошла чуть дальше, на пару шагов лишь, опасливо поглядывая на процесс, как с сорванной лозины обдираются лишние веточки и листики. К чему бы?

– Да, отец коды вернется, влетит Митьку, – постреленок между делом продолжал разговор «взрослых». – Ардынка полдня ревела да на нас орала, теперь вот такого она батьке наговорит. Хотя, можа и не наговорит. Тут поиди разбери, чего она ревела, то ли оттого, что Митяя в кровь отколотила, и кабы я водой с ковша в рожу ейну не плесканул, то и пришибла б вусмерть совсем. А можа, и оттого, что Митек ей правду сказал злую, да на гулянье дура пойти не смогла из-за мелких.

– Вот и пусть ласкажет, а не она, так я ласкажу! – снова в разговор встряла мелкая.

Анятка заметно разозлилась:

– Да, что ж ты злыдня такая? Маленькая, а злости в тебе больше, чем росту.

Малявка насупилась, опустила голову. Обиженно запыхтела.

– Да старшая ей ленту обещалась подарить, если она за Гегой присмотрит, вот дуреха и таскается с ним сегодня весь день, а на Митька злая, потому как боится, что Ардынка в плохом настроении про подарок передумает.

– А где же мать ваша? – задала девочка вопрос, мучивший и Взрывника по ходу всего разговора.

– Да к бабке поехала, рожать ей скоро. У прошлый раз чуть не померла, вот отец ее и отвез заранее, так что теперь, пока не выродит, не вернется.

Анята тяжело вздохнула, вновь окинув неряшливый двор хозяйским взглядом.

– Мда... Ну, а куда убеж-то Митек, знаешь?

– Да откуда. Вот кабы брали меня с собой погулять, можа, и знал бы.

– Ладно, поидем, так поищем, сами, – Анята потянула брата за рукав.

Выйдя за калитку, пошли снова в сторону площади, разыскивая потеряшку.

– Ну, вспомни, Калин, ты мне говорил, что у вас есть место тайное, где Митек от своих отсиживается. Только меня брать не схотел к нему. Ты сказал, что это великая тайна. Помнишь? Я тогда еще еды тебе собрала для него. Че, не помнишь, да?

Грустный, он отрицательно покачал головой.

– Эх... Вот где теперь искать, а? – горестно вдохнула Анята, в который раз окинув улицу взглядом.

Сегодня на улице очень мало попадалось спешащих по своим делам селян, все были на празднике – у въезда в деревню, где располагался большой торг. Там, да на самой площади и настроили каруселей. А остальные улицы деревни словно вымерли – теплый ветерок, гонящий пыль на дороге, хрипло брешущий старый дворовый пес да сивучи на заборах, выжидающие очередное мимо пролетающее насекомое.

Взрывник плелся рядом с сестрой, угрюмо глядя себе под ноги, и думал-думал. Напрягал мозг изо всех сил, аж до ломоты в висках, пытаюсь вспомнить хоть немного, хоть крохотные детали из жизни подлинного Калина.

Но вот в одном глазу потемнело, промелькнули стремительно всполохи, вызывая калейдоскоп виртуальных эпизодов из обрывков памяти того Калина... Замелькали слайды: Лес... Поваленный сушняк... Овраг, довольно большой, внизу речушка. Темные стены и отблески огня на них, корявые рисунки, выхваченные быстрыми бликами, тряпье на полу, костер. Митек смеется, что-то рассказывает, размашисто жестикулируя руками.

- Пещера... – сказал паренек тихо, задумчиво.
- Чего? – спросила Анята, не расслышав.
- Пещера, говорю, костер... Он в пещере!
- В какой такой пещере? Нема у нас пещер тут.
- А овраг-то в лесу есть, с речкой там, на дне самом?
- Есть, кажись...
- Вот там и пещера есть.
- Да нет там никаких пещер, путаешь ты, верно.

Калин описал увиденный пейзаж, и Анята признала это место. Они в прошлом году там дрова собирали на продажу, все четверо, он с Митьком и они с Доней. А в этом году не пошли – отец запретил, потому как река в половодье ого-го каких дел натворила, и опасно стало в той стороне.

Анята остановилась с видом сивиллы, познавшей все таинства этого мира.

– Да... а после посевной вы и стали из деревни пропадать шустро. Точно! – изрекла она, восстановив в памяти уже забытое, и уставилась на брата.

До дому шли очень быстрым шагом, иногда переходя на бег. В поход собрались второпях. Анята положила два больших, уже вареных яйца сивучей. До страусиных по размеру не дотягивали, но были близки к тому. Форма яйцевидная, но хаотично искривленная, скорлупа – гораздо прочнее, потолще, в мелкую, разнокалиберную пупырышку, цветом серо-желтые. В мешок отправились несколько лепешек, бутыль с молоком и картофеля из печи, а также и сырой немного. Картошка за две тысячи лет ни видом, ни вкусом так и не поменялась, оставаясь прежней бульбой.

– А это тебе зачем? – смотрела девочка в удивлении, как брат притянул моток веревки из сарая и ворох старых тряпок, затем принялся драть их на лоскуты.

– Надо, – буркнул он серьезно. – Мази лечебные есть какие? Вонючка та, которой мы с отцом руки мазали, где?

– В леднике в крынке стоит. А зачем тебе?

– Думаю, может пригодиться. Малой что сказал, не забыла? Что сестра их Митяя аж до крови отходила, а, значит, раны у него. Замазать не помешает. Попадет зараза в кровь, и кирдык. Ну, че встала, тащи мазь скорее, а то не успеем, и масла прихвати.

Девчонка развернулась и стремглав бросилась из дома во двор.

Ледник – штука хорошая, наподобие штатного холодильника, исправно ту же роль и исполнял. Выкапывали в земле погреб, зимой выкладывали полки и пол льдом – ледяными блоками, поставленными друг на друга и пересыпанными тонким слоем опилок. Если пользоваться по уму, не хлопая лишний раз дверьми туда-сюда, и лето не сильно жаркое, то отрица-

тельная температура в такой морозильной камере держалась практически до следующей зимы. В этой комнате хранили мясо, рыбу и другие скоропортящиеся продукты.

Торбу в поход дети собрали быстро, но задержались из-за спора.

Взрывник не хотел втягивать в эту заведомо наказуемую затею сестру, а та прицепилась, как лист банный, и все тут. Помозговали. А действительно, как он найдет дорогу до оврага, если даже понятия не имеет, в какую сторону от деревни нужно идти. Вытянув уголек из печки, мальчик сдвинул в сторону крынку с молоком и принялся карябать прямо на столешнице:

«*Ушли к оврагу спасать Митька*», – подумав немного, дописал: – «*Дрова там собирали в прошлом году*».

– Ох, это еще зачем? – воскликнула Анята, увидев записку родителям. – Батка же запретил ходить туда, опасно, говорил.

– Вот потому и пишу. Увидит – пойдет следом. А вдруг с нами случится чего, или с Митьком? Ты думаешь, мы сможем сами его до деревни дотянуть?

– Ох, и влетит же нам. Ладно, пошли скорее, а то погляди, солнце уже где.

\* \* \*

Исполинские деревья тянули свои кроны к небу, откидывая мрачные тени на густой подлесок. Чем дальше продвигались в лес, тем больше они походили на сказочных чудовищ. Тихий шелест листвы и хвои разбавлялся назойливым жужжанием мошкары. Кожа от, казалось, тысячи укусов нещадно зудела. Через поле идти тогда было куда веселее – ветром, нет-нет, да и сдувало летучих кровососов.

Спустя час в пути Анята стала все чаще останавливаться и осматриваться.

– Ух, как тут поменялось все. Вот если бы не то дерево со сломанной вершиной, то и не признала бы, точно, – указала она на здоровенную ель, макушку которой будто срезали ножом. – Да, точно, во-он там и собирали, а там вон – овраг. Идем.

Следующая часть пути заняла втрое больше времени и стоила больших затрат энергии по сравнению с прежней. Прошли они около километра по жуткому бурелому, когда, выйдя к оврагу, заметили, что солнца-то уже и не видно совсем – почти село.

Анята устроилась на скалистом выступе, неровным треугольником торчащем из земли, и, болезненно скривившись, рассматривала ободранные руки и ноги, красоты пейзажа ее мало волновали, сейчас девочку заботило другое – будущие шрамы на гладкой коже.

Подобные скальные глыбы различной величины и формы торчали то тут, то там вперемешку с обычными круглыми камнями и корневой системой вывернутых вековых исполинов. И что самое странное, плоские, с довольно ровной поверхностью каменные пласты под разными углами выглядывали и из внутренних склонов оврага.

V-образный разрыв земной коры, в ширину около сорока и глубиной примерно пятнадцать-двадцать метров, выглядел, словно гигантская рана, разорвавшая плоть планеты. На самом дне большого разлома мирно вихлял светлый, тоненький ручеек, беззаботно журча между камнями и обломками минералов...

Какой же силы должен был быть поток, чтобы натворить такое?

По обоим берегам на границе леса валялись поваленные, уже сухие деревья, изломанные бушевавшей стихией весеннего паводка, сильно усложняя дальнейший маршрут вдоль этого разрыва. Надо спускаться вниз, к речушке – иного выхода мальчик не придумал.

Взобравшись на широченный вывороченный комель, паренек с опаской поглядел вниз и сделал первый шаг вдоль по стволу в сторону обрыва.

– Там лесного мусора гораздо меньше. Интересно, сколько же мы по этому бурелому лазали? – прозвучали мысли Взрывника вслух. – Как бы туда спуститься и шею себе не свернуть?

Над обрывом огляделся, внимательно выискивая наиболее пологий, безопасный спуск, и, ничего не найдя поблизости, развернулся к сестре... От неожиданности подросток замер... За ее спиной стоял карликовый саблезубый тигр. Нет, то был не котенок, у котят таких клыков не бывает, но ростом зверь не удался, видимо, вся биоэнергия пошла на его зубы. Звереныш, размером не выше колена взрослого человека, уже взобрался на ближайший камень и явно готовился к смертоносному прыжку на двуногого. Тело мальчишки сработало рефлекторно, миг вспоминая выучку Взрывника. Зверь прыгнул, и в то же мгновение подросток удивился алмазному росчерку узорного лезвия. Невероятно! Булатный защитник сработал: острие летящего клинка жадно впилось в глаз хищника. Анята даже ничего не поняла и только испуганно вскрикнула, когда об ее спину ударилось уже мертвое животное, сбивая девчущку наземь с полутораметровой высоты. Распластавшись вниз головой, Анята очень быстро сориентировалась, проворно отползая подальше от неведомой опасности, перебирая руками и ногами, но вскоре уперлась спиной в валяющееся дерево и замерла, уставившись широко распахнутыми от ужаса глазами на свисающую лапу. По камню побежал тоненький ручеек крови, собираясь в лужицу.

– Живая?! Не ранена?! – Калин подлетел к сестре, быстро ее развернул и осмотрел спину. На рубахе алело несколько пятен крови. Задрал ткань. – Блин! Потерпи, я ща! – отпустил и кинулся к походному мешку.

К удивлению Взрывника Анята так и сидела молча, с задранной на спине рубахой и просто смотрела перед собой в землю, прижимая ушибленные ладони. Даже когда мальчик обработал, как оказалось, неглубокие царапины, Анята и не пискнула.

– Все, готово, даже перевязка не нужна, – заключил он по окончании процедуры, опуская на место одежду. – До свадьбы заживет, вот, а ты в сарафане собралась в лес идти, видишь теперь, как хорошо, что переделалась. Сверкала бы сейчас задом голым, – попытался он вывести девочку из ступора, инстинктивно сообразив, что с ней не все ладно. – Ну, что, посидишь тут или со мной пойдешь зверя смотреть?

И тут ее прорвало...

Истерика началась незаметно, с тонкого скулежа, но очень быстро переросла в рев со всхлипываниями. Калин задумчиво почесал макушку, глядя на этот концерт, и не нашел, что сказать или сделать, поглядел по сторонам, словно ища кого-то, кто бы мог помочь, в итоге просто развернулся и пошел смотреть свой трофей, оставив девочку в одиночестве. Ну, почти в одиночестве. Теперь Взрывник втроене приглядывал за сестрой и за округой, ругая себя последними словами за то, что расслабился и прошляпил зверя.

Нож засел крепко, пришлось упереть ногу в голову звереныша, наступив на нее и тянуть двумя руками изо всех сил. Еле вынул. Осмотрел свой трофей, недотигра. Хвост короткий, шерсть густая, и по ней рассыпаны продолговатые пятнышки, а не полосы, как оказалось. Кисточки на ушах.

– Ха! Да это же обычная рысь, только зубищи себе отрастила знатные, – пришел он к выводу после внимательного визуального изучения. – Ну, ничего себе. Мда. Не-е, крылатые котомыши мне нравятся больше, чем вы, – слегка пнул труп ногой и посмотрел на Аняту.

Та сидела уже молча и очень внимательно смотрела на своего младшего, субтильного братика, которого вечно опекала и даже с мальчишками старшими разборки учиняла, чтобы те не обижали слабого Калина.

– Успокоилась? Ну, и хорошо. Тебя колотит от нервов, воды попей да идти надо. Домой засветло мы уже не поспеем, а потому нужно искать скорее это место в пещере или какое-то другое, для ночлега, а то, гляжу, тут не очень-то и безопасно.

Анята долго шла молча, тайком рассматривая Калина, такого вроде бы родного, но в то же время и чужого. Что-то в брате изменилось после болезни, сделало его не таким, как прежде. Теперь уже не возникало мыслей, что его снова поколотят, и что она опять найдет

младшенького рыдающим в сарае или за овином. Нет, теперь самой хотелось спрятаться за его узкой, но необъяснимо сильной спиной. Надо же, убил мягколапого хокби ножом. Кому скажи – не поверят.

«Сама бы не поверила ни за что», – размышляла Анята, поглядывая на пятнистый труп коварного звереньша.

Калин спросил, можно ли есть их и, получив ответ – «Да», твердо решил забрать убитого зверя.

– Нечего мясом раскидываться, – заявил он на то, что зверь тяжел, и тащить его неудобно.

Брат и сестра шли уставшие. У Аняты израненные ноги, руки и особенно спина, жутко болели, на брате же не было и царапины. Как он так умудряется, для нее оставалось загадкой. Неужели отец обучил за столь короткое время?

Неожиданно Калин прервал ее размышления.

– О! Гляди, вон там, кажется, спуск. Пойдем, посмотрим.

– Можно, я тут посижу? – глаза Аняты были очень жалобны, а вид жутко уставший.

– Нет, – твердо заявил Калин, – насиделась уже сама, достаточно.

Девочка обреченно вздохнула в голос и, вновь подхватив мягколапа за задние конечности, поплелась вслед за братом.

С трудом перебравшись через очередную валежину с корявыми, царапучими ветками, дети оказались на довольно свободном, пологом пятаке.

– Посиди-ка тут, пока я осмотрюсь, – раскомандовался младший, – и по сторонам гляди внимательно, если что – ори.

Анята недовольно сощурила глаза, но Калин не обратил на этот, обычно срабатывающий, взгляд ни малейшего внимания, просто ушел быстро вниз, к спуску.

«И походка у него стала странной, мягкой, плавной, как у зверя, – вновь принялась она за размышления, – раньше такой не замечала. А как глядит-то по сторонам... Во, присел, разглядывает чего-то в траве. Нюхает пальцы. Зачем? Вот, дурень, еще бы лизнул. Снова головой вертит, зыркает по сторонам... точно, прям, что тот хокби. Еще и кулак мне показал. А че это он? В кусты зачем-то полез, приспичило, видать», – тут Анята тихонько хихикнула.

– Бу! – неожиданно раздалось по правую руку от девочки.

Анята взвизгнула, подпрыгнув на месте, и шарахнулась в сторону, вновь оцарапав теперь уже руку.

– Калин! Вылупень ты бесовский! Ах, я тебе, – и подобрав обломок ветки, со злостью кинула его в брата.

Но мальчишка не хохотал от того, что удалось так удачно напугать сестрицу. Напротив, был очень серьезен и, ловко увернувшись от летящей деревяшки, приближался быстрым шагом.

– Я тебе чего сказал, когда уходил?! Ты почему по сторонам не глядела? А если обратно зверь какой или человек плохой, чего тогда?

Весь Анятин запал поквитаться с обидчиком тут же опал, так и не обрушившись на шутника. До нее дошло, что Калин прав, и она действительно крупно опростоволосилась. Девочке стало стыдно.

– Идем, не дуйся. Просто нельзя быть такой беспечной. Тут же опасно, – он примирительно кивнул, слегка наметив улыбку, подхватил хокби под лапы и ожидающе глянул на сестру.

Девочка нехотя сползла с насиженного места и, прихрамывая, последовала за командиром похода, подняв свою часть ноши. Теперь она больше не хотела командовать, а почему – и сама понять не могла.

– Темнеет уже, – пролепетала она в спину Калину.

– Не сцы, лягуха, болото рядом.

– Чего?

– Следы, говорю, нашел. Был он тут, правильно мы пришли. Ша спустимся, и я внизу погляжу, в какую сторону нам идти. Так, давай эту тушу скинем, а сами аккуратно по насыпи сползем. – Калин уже примеривался, как удобнее сбросить зверюгу, а девочка хлопала ресницами, пытаясь увязать только что услышанное со своим загадочным братцем.

Тушка саблезубого кота глухо шлепнулась на камни, а мальчик уселся на попу и съехал по осыпающемуся спуску, как с горки, притормаживая пятками сапог.

– Ну, чего ты, не бойся, тут не сильно высоко.

Но сестра топталась на месте, не решаясь съехать вниз.

– Ну, долго тебя еще ждать или ты хочешь стать чьим-нибудь ужином?

– Обувку жалко, – пискнула она сверху.

– Да чтоб тебя... – буркнул мальчишка и уселся стягивать с себя сапоги. – На, надень, – кинул он ей один, а следом и второй, – а свои сюда бросай. И быстрее давай, я не сова, в темноте не вижу.

Девочка торопливо сменила обувь и почти так же скатилась на дно оврага. Уселась снова переобуваться. Взяв свою туфлю, она чуть не заплакала, но закусив нижнюю губу, все же, надела.

– Че, туфли так жалко?

– Обувку, что ли? Да, жалко, конечно, красивые были, и мамка ругать будет, но я не из-за того, просто ноги растерла, болят сильно. Может, я лучше босиком пойду? – но поглядев на острые камешки, молча скривившись, обула и вторую.

– Я тоже растер, в кровь. Потерпи, думаю, тут рядом уже.

– С чего ты так решил?

– А вон, гляди, пятна бурые видишь? Это кровь... Митек-то босый, вот и побился, а тут еще добавил.

– Ну, он как бы привычный, у него обувки никогда не было. Даже зимой.

– Как же зимой босиком?

– В обмотках.

– Че это такое?

– Забыл? Тряпье на ноги наматываешь и дощечку или коры кусок, да веревочкой привязываешь, это и будут тебе обмотки.

Калин крепко выругался.

– Не сквернословь, Боги того не любят.

– Ладно, пошли, а то я и есть уже хочу.

– Я тоже. А тут холоднее, чем наверху, – зябко поежилась сестра, передернув плечами. – Вон, гляди, еще пятно.

– Угу, вижу...

Подобрали зверя и гуськом двинулись по следам Митька. То, что это точно Митек, ребята убедились, найдя полный отпечаток маленькой ноги.

Темнело стремительно, а дети все шли. На сколько километров тянулся их путь, неизвестно, никто его не измерял.

– Гранд-каньон какой-то, а не овраг, – бурчал раздосадованный мальчишка себе под нос.

– Калин, я устала, не могу больше, и мне холодно очень. Давай хоть гада этого бросим, а? Нет больше сил моих его тянуть.

– Смотри! – Калин указал на мерцающий слабый огонек, отблески которого метрах в пяти над головой метались по камням.

– Ой! Что это?

– Надеюсь, что отблеск от костра в пещере.

Калин свистнул в два пальца. Тишина. Он повторил еще дважды и только примерился для четвертой попытки, как слабый свист в ответ раздался сверху.

– Точно он! – радостно воскликнула Анята. – Митек! Мить, это мы!

– Тщ-щ! – зашипел на нее брат. – Не ори ты так громко, звери услышать могут.

– Ой! – с опаской девочка осмотрелась, вглядываясь в кромешную темноту. – Но как нам взобраться туда? – спросила она уже шепотом. – Высоко же.

Наверху зашебуршало, и нечто гибкое полетело вниз. Негромко шлепнулось о стену.

– О, веревка. Отлично. Вот по ней и залезем, – подергал командир висящий конец, проверяя на прочность. Перевел взгляд на неуверенно мнущуюся девочку.

– Не залезешь? – правильно понял он ее замешательство.

Анята отрицательно мотнула головой, перетаптываясь и подпрыгивая на месте в попытке хоть немного согреться. Она дышала на озябшие ладошки, растирая их, постоянно шмыгая носом. Постукивающие зубы при этом лязгали еще сильнее.

Мальчишку тоже давно уже колотило от холода, но не так сильно – ежедневные утренние водные процедуры у колодца все же оказались полезными.

По нашим названиям месяцев, сейчас на дворе стоял сентябрь, но с учетом уральской местности, а примерно туда Взрывник и попал, и изменений климата, днем на улице было довольно жарко, но с заходом солнца резко холодало. В лесу и в светлое время суток дети не особо спарились, а ночью в овраге и вовсе окоченели. Над речушкой клубился легкий туман, изо рта ребят шел пар.

– Высоко, а я рук вовсе не чувю, и ноги болят сильно, да колена, что ушибла, когда с камня свалилась. Не смогу.

Калин задумчиво посмотрел на сестру.

– Знаю один способ, но... В общем, помочиться надо на руки и в ляжках погреть, быстро отойдут. Веревкой я тебя обвяжу, той, что из дома взяли, и поднимусь туда. Как скажу, лезь следом, а я подстрахую. Но, руки согреть надо, иначе не влезешь.

– Не смешно, Калин.

– Я и не смеялся. Хочешь тут остаться?

– Ты что, серьезно?

– Еще как. Если не можешь, давай я, ток ты глаза зажмурь и не подглядывай.

– Нет уж, спасибо, я как-нибудь сама справлюсь. Отвернись.

Анята подошла вплотную к стене, поглядела вверх, не видно ли ее оттуда Митьку, и, потянув за шнурок, играющий роль резинки и завязанный обычным бантиком в два уха, присела на корточки.

– Ты точно не пошутил? – еще раз переспросила она Калина. Но услышав, как зажурчал повернутый к ней спиной брат, приступила к отогреву рук.

– Ой, как же холодно, – засунула она все еще ледяные ладошки себе между ног. – Не поворачивайся, я еще не все.

Тем временем уже и Калин начал прыгать на месте, махать руками, приседать и кланяться. Руки, и в самом деле, быстро отогрелись, вновь обретая чувствительность. Пальцы начали слушаться.

– Кажется, все, согрелись, – сообщила она брату о своей готовности к подъему.

– Так, видишь узлы...

– Да знаю я, как подниматься, сколько раз лазали на деревья по таким веревкам, просто руки сильно замерзли.

– Тогда тут стой, я быстро.

Он дыхнул пару раз на руки, растер их, разгоняя кровь, и, уверенно вцепившись в веревку, пошел прямо по стене.

Именно пошел, быстро перебирая ногами и руками. Девочка уже устала удивляться новым способностям Калина, она просто хотела тепла, поесть и спать. Все остальное было пока неважно.

\* \* \*

Митяя обнаружили в очень плачевном состоянии. Бедняге стоило геройских трудов доползти до выхода из пещеры, чтобы скинуть другу веревку. Поэтому Калину пришлось еще раз спускаться вниз, чтобы обвязать окоченевшую тушу животного и, поднявшись обратно, затянуть ее наверх, но до этого ее пришлось тянуть к воде и вынимать потроха, чтобы мясо не испортилось. Это следовало сделать еще раньше, но мальчик не думал, что их путь настолько затянется. Кое-как, но вдвоем с Аняткой справились. Дров в пещере оказалось – кот наплакал, догорали последние, и Калин с ужасом представил, как ему вновь предстоит спускаться вниз, в кромешную тьму, наполненную жуткими звуками леса и эхом, разносящимися по «каньону». Но горящий огонь детям был очень нужен, и пока мышцы окончательно не отказались работать от усталости и холода, мальчик пошел вниз в третий раз. Анята затягивала на площадку очередную небольшую вязанку дров, когда Калин влез обратно и распластался ковриком прямо на пороге.

– Все, я трупик, – буркнул он еле слышно и, раскинув в стороны руки, пролежал так пару минут. Он бы так и уснул, если бы не пинки и уговоры с угрозами заботливой сестры.

Обмазав все раны вонючей, но лечебной мазью, трое ребят полулежали у огня дожидаясь небогатый ужин.

– Отец утром придет и заберет нас отсюда, – сообщил Калин с набитым ртом.

Митек перестал жевать и с укором уставился одним глазом на друга.

– Ладно еще, Анятку притянул, ее хоть можно уговорить не рассказывать никому, а батька твой... он же моему все скажет, и что тогда? Не пойду никуда. Я тут жить буду. А нет, так вообще уйду, куда глаза глядят.

– Не дури. Видел бы ты себя... – чуть не сказал «в зеркале», но вовремя прикусил язык. – У тебя глаз заплыл полностью, а второй еле видит, морда вон синяя вся, и ухо одно больше другого, да красивое такое, фиолетовое.

– Очень смешно.

– Больно надо. Ты губу свою не видишь, потому что фингалы мешают, а то таким вареником ток сметану в самый раз черпать из общей плошки.

Митек, смутившись, украдкой глянул на Аняту, но та уже давно спала. Так и уснула на боку, с недоеденной картофлей в руке.

– Зачем ты ее с собой взял? Глянь, как изранилась вся.

– Да я и не хотел брать, но только места этого не помню, а она, как оказалось, знала про овраг.

– Получается, ты рассказал ей про нашу прятанку?

– Нет, она умная, сама догадалась, что ходим куда-то. Подумав, поняла, где примерно находится это место. Вот и пошли вместе.

– А че без батьки сразу?

– Нема их было, но я записку на столе оставил. Прочтет и придет. В ночь – навряд ли, а поутру – так точно.

– А как же он нас найдет?

– Так же, как и мы – по следам.

Митек удивленно посмотрел на товарища.

– Ага, ты еще похвастай, что следы читать умеешь.

– Умею. Но на твои ума много не надо: ты всю дорогу кровью заляпал.

– Странный ты стал, Калин, прежде не был таким. Хм... – он скопил глаз на труп мягколапа. – Права наша бабка, ты точно с Богами видался. Кстати, вон там и они. Пойди, глянь, можа, вспомнишь чего, или они напомним.

Калин посмотрел в указанном направлении и только сейчас обратил внимание на саму пещеру. Странная она, слишком ровные стены для пещеры, как покосившийся короб с обгрызенным углом и сдавленной крышкой в той, дальней стороне.

Калин широко зевнул и протер лицо ладонью.

– Посмотрю, чуток вот только полежу... – снова зевнул, удобнее устраиваясь у костра в позе эмбриона, – и... по-смотрю...

## Глава 6

### Утро

Взрывник проснулся от того, что кто-то тихонько дернул его за пояс раз, другой. Приоткрыв один глаз, увидел косматый силуэт на светлом фоне. Сердце сжалось, дыхание замерло. Мозг взбодрился, моментально вывалив сразу несколько вариантов действий и тут же – вероятных последствий. В то же мгновение мальчишка подсек стоящего ударом ноги и, перекатившись в сторону, вскочил в стойку, уже готовый биться, зажимая в руке оголенный клинок. Сердце колотилось о грудную клетку.

Противник вскрикнул голосом его сестры и, неуклюже взмахнув руками, шлепнулся в давно потухший костер. Заныл тонким, девчачьим голосом.

Ошарашенный таким пробуждением, Взрывник, как только понял, чего натворил, бросился к жертве несчастного случая.

– Прости! Прости меня, пожалуйста! Я не хотел. Спросонья померещилось просто. Прости, Анятка, – вытянув из костровища плачущую сестру, мальчик принялся усердно ее оттирать от угольной сажи, размазывая еще больше черноту по лицу, приглаживая растрепанные волосы, ненароком пачкая и их. – Ты сейчас похожа на Кузьму из мультика. Прости меня, Анята, я нечаянно.

– Нема у нас деревни такой в княжестве, и не выдумывай, – громко шмыгнув носом, всхлипнула Анята и утерла лицо краем старой отцовской рубахи, которую вытянула из ночной подстилки брата.

Натянули барахла они сюда изрядно, и все из их сарая. Ох, и влетит же Калину, когда отец все это увидит. Девочка обиженно посмотрела на младшенького.

– Ну, я правда не хотел, прости меня. Сон дурной приснился, а тут ты меня дергаешь, вот и стукнул. Больно? – поинтересовался он участливо с крайне виноватым видом.

– Как ты так ловко научился? Где?

– Лют научил, – тут же соврал Калин, даже не моргнув глазом. Врать за последние месяцы ему приходилось часто.

– Бреешь. Чего тогда он нам не показывал этой науки?

– А того, что не женское это занятие – бой. И еще, эта наука секретная, передается от отца к сыну. Не для чужих, и не для девок.

– У, как... Я и не слыхала даже о таком. А меня научишь? Я – никому, сам знаешь. Хочешь, пред Богами поклянись. Научи, а. И ножик ты метко кидаешь. Я тоже так хочу.

– Ладно, научу, только это – секрет, и никому ни слова.

– А меня научишь? – спросил Митек, до этого вроде как спавший.

– И тебя научу. Но только ты же тикать собрался, куда глаза глядят. Забыл?

– Один глаз, – весело добавила Анята. – Второй-то пока не глядит...

– Смейтесь, смейтесь. О-ох, весь бок отлежал, – застонал несчастный Митек, поднимаясь со своей лежанки из тряпья и тонких веток.

– Ну, ты простишь меня за то, что стукнул, Анятка?

– Ай, да куда мне деваться, прощу, конечно. Вот только мясо ты теперь сам нарежай, а я, так уж и быть, стоговорю. Ну, где тут у вас посуда, показывайте, пока я добрая.

Пока Анята исследовала аскетичное жилище мальчишек в поисках нужных ей вещей, заодно попутно наводя хоть какое-то подобие порядка, Митек разжег огонь.

Выпотрошил зверя Калин плохо – уставший да в темноте на ощупь, но лучше так, чем вовсе никак. Мясо к утру совсем бы испортилось.

Пока он возился с хокби, Анята запалила костер и поставила крынку с водой. Так велел ей брат. Зачем, не понятно, но перечить не стала.

– Калин, а воды тут больше нету, зря ты эту греешь. Что пить потом будем?

– Будет, что пить, не бойсь, – ответил малец, орудуя подаренным тесаком, почти как заправский мясник.

Разделявать недавно бегающий обед ему уже приходилось, и не раз, как в этой новой жизни с отцом Юром, так и в той, прошлой, с отцом Доком и наставниками.

Одно только мальчику мешало – болели руки, натертые неоднократным лазаньем по веревке вчера ночью – это тебе не в том мире регенерация, где такая мелочь, как мозоли, заживают буквально на глазах. Тут ничего подобного не происходило, и царапины воспалялись, если их вовремя не обработать, и раны болели и заживали неделями, а не за пару дней, как в Стиксе. Мальчик часто вспоминал эту способность своего организма и крайне сожалел о ее утрате, особенно сегодня, когда предстояло столько дел, а руки и ноги горят огнем и дергают острой болью. Анята тоже вчера содрала на ладошках всю кожу, пока тянула веревку, и теперь шипела змеей каждый раз, как ненароком задевала поврежденные участки.

Закончив с мясом, Калин обтер руки о тряпку и деловито осмотрел раны сестры и Митька. Колено Аняты посинело и заметно распухло, некоторые ссадины и царапины слегка воспалились, особенно сильно те, которые нанес хокби в своем последнем прыжке. С Митьком же дела обстояли еще хуже. Калин заметил в ногах товарища несколько заноз, довольно серьезных. Мелкие порезы были практически неразличимы под слоем грязи и запекшейся крови. Фиолетовые синяки на плече и во множестве на спине и лице – следы сражения с Ардынкой, особо Калина не беспокоили, сами пройдут, а вот ноги... Митек не мог на них подняться, и даже по нужде пришлось передвигаться на четвереньках и писать вниз, стоя на коленях у самого края.

– Если тебе серьезнее приспичит, тогда труба дело, – покачал угрюмо головой Калин, глядя на мучения товарища.

Митек шикнул в ответ, скривив устрашающе-грозную рожу, и украдкой глянул на порядочно отвернувшуюся Аняту.

– Вода начала закипать, – сообщила она из недр укрытия.

– Хорошо, – ответил ей Калин, – помоги Митьку раны промыть, как следует, а я мясо сейчас вниз спущу, в ручье промою и воды еще наберу. Сможешь поднять?

Та растеряно посмотрела на свои руки и неопределенно пожала плечами.

– Я смогу, – заявил Митек, косясь на девочку. – Ты меня только подстрахуешь, Анятка, а я подыму, угу?

– Угу, – кивнула та в ответ, и явное облегчение отразилось на чумазом, но, все равно, симпатичном личике.

Калин достал из походного мешка рулон ткани, заготовленной еще дома и, намазав свои ладони и ладони сестры лечебной мазью, обмотал их на боксерский манер. Такую обмотку показал ему Чинук, один из наставников, преподававших боевое искусство в прошлом мире.

Солнце только проснулось и еще не показалось даже сквозь кроны деревьев, не говоря уже о низине в расщелине земной коры. Молочный туман клубился кучевыми облаками, поднимаясь от воды, и стелился тонкой дымкой, расплываясь по каменистому берегу.

Мальчишка зябко поежился. Заходить в воду вовсе не хотелось, но достаточно глубокого места для промывки мяса у берега не нашлось. Калин решил чуть пройти вдоль воды, поискать. Над головой громко, словно ружейный выстрел, треснула старая ветка. Хрипло каркнул крупный ворон и, совершив круг почета над головой юного человека, уселся на горизонтально торчащий из высокого, крутого берега штырь. Снова громко каркнул, переступая с лапы на лапу и выворачивая шею, с любопытством воззрившись на двуногого. Птица с живым интересом разглядывала утреннего гостя.

Подойдя ближе, Калин убедился: да, это действительно металлический, ржавый штырь, кусок строительной арматуры, и выходил этот кусок не иначе, как из скола самой натуральной бетонной плиты, край которой слегка виднелся снаружи.

Сделав в уме зарубку, Калин переключил свое внимание на первоначальный интерес и пошел дальше в поисках удобного места. Ворон каркнул вслед. Мальчишка остановился и, немного поразмыслив, посмотрел на птицу, вытянул нож и, отрезав шмат мяса, кинул вверх. Утощение, крутанувшись в воздухе, ударилось о штырь и звучно шмякнулось на камень. Испугавшись, ворон подпрыгнул, коротко взмахнув крыльями, но сообразив, что опасности нет, уселся на прежнее место. Вывернул голову, покосился вниз.

Калин усмехнулся:

– Ешь, пернатый, это завтрак бесплатный.

Подхватил мешок с мясом и пошел дальше, пытаясь хоть что-то разглядеть в белесом тумане. Ноги скользили на мокрых камнях. Впереди показался размытый корявый силуэт, довольно массивный...

Калин замер, во все глаза всматриваясь вдаль. Нож он уже крепко сжимал в руке – как достал, и сам не заметил. Время тянулось, словно смола, корявый силуэт стоял неподвижно, мальчик не шевелился.

– КР-РА! – раздался над головой голос недавнего знакомца.

Ворон пролетел так низко, что обдал воздушным потоком от взмаха крыла, уселся прямо на голову неведомому существу, так напугавшему ребенка. Несмотря на наглую птицу, силуэт все так же был неподвижен, укрываясь в тумане.

– Ладно, – буркнул Калин и, собрав всю смелость в кулак, сделал шаг вперед, тихо, как учили.

Мальчик приближался метр за метром, видимость прояснялась.

– Чтоб тебя! – выдохнул он с облегчением, когда наконец-то удалось разглядеть монстра.

Обломок от дерева исполинских размеров, здоровенный фрагмент ствола, сплошь покрытый густым и бархатистым мхом, застрял между двух валунов в наклонном положении. Толстые кривые ветви по бокам издалика, действительно, походили на руки мутанта-переростка.

По спине пробежал озноб, и мальчишка нервно захихикал, оседая на влажный, холодный камень. Напряжение спало. В этом месте ручей промыл довольно глубокую ямку. Мелкие водовороты, периодически появляющиеся на поверхности темной воды, предупреждали о коварности тихой заводи.

Можно было еще поискать, но его ждали, а он прошел уже прилично. Время поджимало, вода в крынке давно закипела и остыла, а ему еще нужно ободрать так кстати попавшийся мох и наломать тоненьких, свежих веточек для чая. По пути сюда как раз встречались подходящие.

Калин приступил к работе. Птица внимательно наблюдала за процессом. Мальчик тоже иногда поглядывал на ворона и даже начал с ним беседу, предложив помочь, ну, хотя бы в сборе мха, что ли. Он, конечно же, шутил, всерьез не рассчитывая на то, что птица хоть чуточку понимает человеческую речь. Но каково было его удивление, когда ворон стукнул пару раз довольно грозным клювом, отколупнул мшистый край и потянул с конкретной целью – отдрать его от дерева. Пара минут возни, и на камни рядом с мешком упал первый пласт мха. В две руки и в один клюв работа шла споро.

– Ну, дружище, ты прям, гений рода пернатого. И откуда ж ты такой умный взялся-то? Может, ты еще и говорить умеешь? Не? Молчишь... эх, ну, ладно.

Мох пришлось складывать в импровизированный мешок, сделанный из собственной рубахи, а раздеваться жуть как не хотелось. Надрали разного: и сухого, и зеленого. Мох – это не только мягкая подстилка для ночлега, удобная подушка, но еще и природный антисептик,

кровопретворяющее средство и перевязочный материал. Кроме того, в нем можно готовить, так что много его не бывает.

Уложив всю ношу в мешок, Калин достал кус мяса и оставил на соседнем валуне.

– Держи, пернатый, это тебе. Спасибо, дружище, и за общение, и за помощь тоже спасибо.

Ворон, спикировав с ветки, приземлился рядом с едой, деловито поставил на нее лапу, клюнул.

– Ну, ты, это, прилетай, если хочешь, мы там, в пещере пока живем. Ладно, пока, птичка. Надеюсь, еще свидимся.

\* \* \*

Отец не явился ни к обеду, как рассчитывали дети, ни к закату. На следующий день за ними также никто не пришел.

– Чего делать будем? Еще пара дней, и у нас мясо закончится. Все, есть нечего, – убитым голосом заявила Анята.

– Как же нечего, а рыба?

– Рыба? И как ты ее ловить собрался, голыми руками? Или ты с собой и снасти прихватил?

– А давай тебе волосы обрежем и скрутку сделаем, – хихикая, предложил Митек. – Гля, какие они у тебя длиннющие, как раз то, что надо.

– Себе обрежь язык лучше.

– Анятка, торжественно клянусь любить тебя и лысую до самой смерти. Брат твой свидетелем пусть будет этой клятвы.

– Вот не погляжу я на немочь твою да как врежу сейчас, на всю жизнь запомнишь.

– Эх, да было б там, чем запоминать, всю голову уже и без тебя давно отбили.

Анята сокрушенно выдохнула, подкатив глазки. Митек довольно захихикал.

– Калин, – переключился он на товарища, – ты вот лучше нам расскажи, вспомнил ли чего про Богов-то?

– В смысле?

– Ну, там которые, – махнул он головой в сторону дальней стены. – Или ты не глядел?

– Вот черт, да я позабыл про то совсем, замотался, блин.

– Вот чудно ты говоришь, все привыкнуть не могу. Замотался он, – приснул смехом Митек. – Ну, тогда назад разматывайся да пойди, погляди.

– И я хочу! – тут же заявила Анята, готовая прямо сейчас стартануть с места.

Калин посмотрел на друга, ища помощи, но тот лишь неопределенно-растерянно пожал плечами.

– Куда же я без тебя. Пошли, лист ты мой банный, – обреченно сказал он своей сестрице, медленно поднимаясь с места.

После того, как Взрывник обнаружил на берегу кусок бетонного перекрытия с торчащей арматуриной, вернувшись в пещеру, обратил внимание на стены, пол, потолок их укрытия, и закрались к нему в душу очень сильные подозрения, что это вовсе и не пещера. Потом бытовые дела вновь утянули мальчишку, отвлекли от размышлений и изучения жилища. Ребята ведь и одной сотой не знали из того, чему был обучен их странный с недавних пор друг и брат, и все тяготы дикой жизни легли на плечи Калина, а к вечеру ослабленный организм, вымотанный непривычными для этого тела нагрузками, просто отключился. Ни мыслей, ни снов...

В дальнем конце пещеры чернел неровным треугольником маленький лаз.

– Туда? – спросил Калин товарища.

– Ну да. Осторожно ток, голову не зашибите. И это, возьми чем посветить.

Подпалив свечу, Калин поднес ее к отверстию внизу стены, явно разрытому до размеров, в которое мог пролезть некрупный подросток.

Пламя даже не колыхнулось, значит, сквозняка нет. Глухо.

– Ну, идем, али что? – подпихнув брата в плечо, поинтересовалась Анятка, сгорая от любопытства и азарта.

Калин выдохнул и полез первым. Ему почему-то очень не хотелось залазить в черное, неизвестное Ничто. Нахлынувшее чувство тревоги заставило сердце колотиться в районе горла. Пару раз сглотнул. Вроде, полегчало. Протиснувшись в «кроличью нору», дети оказались... в пещере Аладдина. Свеча горела уверенно, и метров семь, а то и все десять открылись взору.

Множество вертикальных и горизонтальных тумб расположились рядами по комнате, не имеющей ни единого окна – ровные, глухие стены с массивной на вид, единственной дверью. Возле стен – до самого потолка стеллажи-каркасы, в одном из углов охапка странных копий. Калин неуверенно шагнул вперед, обернулся к сестре. Первое, что бросилось ему в глаза – вовсе не вытянутое, с приоткрытым ртом, лицо Аняты. Он увидел дверной проем. Самый натуральный дверной проем, заваленный бетонным крошевом, и лишь в самом низу – ниша, образованная благодаря куску бетонной плиты, косо стоящей под углом, примерно, градусов тридцать. Она-то и держала всю гору строительного мусора, не давая полностью законсервировать помещение. Стоило представить, как оно все осядет вниз, и по позвоночнику неприятно пробежали холодные насекомые. За этой бывшей дверью когда-то располагалось подсобное помещение музейного подвала, которую мальчики и приняли за пещеру. То, что это именно музей, Взрывник догадался по хранящимся экспонатам, многие из них находились в стеклянных, наглухо закрытых аквариумах – тех самых кубах и гробах. Подойдя к одному из них с уже очищенной поверхностью, видимо, в прошлый раз почистили, мальчик обнаружил бюст Сталина, в другом – Дзержинского, уменьшенные до человеческого роста, а некоторые и того меньше, статуи: «Серп и Молот» – рабочий и колхозница, «Баба с веслом» – девушка с веслом, «Защитник отечества с младенцем на руках» – воин-освободитель, «Пионер-горнист» – пацан с трубой, «Чебурашка и Гена», Олимпийский Мишка и многие другие из старинной эпохи СССР. Были там экспонаты и из других исторических эпох и территорий. Взрывник нашел там представителей Древнего Рима, Египта и Эллады. Статуи, чеканки, женские украшения, вазы, амфоры и другая бытовая утварь, представляющая музейную ценность – это, скорее всего, были копии-новоделы для проведения экскурсий, хотя, как знать, мир-то другой, из параллельных. Были и картины в рамах, но время их не пощадило; металлы, гипс, фарфор, янтарь, стекло и мрамор – все же материалы намного прочнее древесины и тканей. Даже некоторые виды пластика уцелели – спасибо герметично запечатанному помещению, иначе не простояли бы столько времени и они – окислились бы, рассыпались в прах, истлели...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.